

Российская национальная библиотека

**СВЯТЫЕ ПОДВИЖНИКИ —
ОСНОВАТЕЛИ МОНАСТЫРЕЙ
И КНИЖНЫЕ СОБРАНИЯ ЭТИХ ОБИТЕЛЕЙ:
К 700-летию преподобного Сергия Радонежского**

Материалы международной научной конференции

**«IX Загребинские чтения»
(27–28 октября 2014 г.)**

**Санкт-Петербург
2015**

ББК 86.372я43+76.10я43
УДК [271.2+002](063)
С25

Святые подвижники — основатели монастырей и книжные собрания этих обителей: Материалы международной научной конференции «IX Загребинские чтения» (Санкт-Петербург, 27–28 октября 2014 г.).

Составитель и редактор: Ж. Л. Левшина

Издание включает материалы докладов, прочитанных исследователями из России, Сербии, Болгарии, Польши и Литвы на заседаниях международной научной конференции «IX Загребинские чтения», которая была приурочена к 700-летию преподобного Сергия Радонежского. В публикациях отражены основные положения докладов, посвященных изучению жизни и трудов православных подвижников, почитанию святых на Руси и у славян, истории монастырей и книжных коллекций средневековых обителей, творческих приемов книжников и изографов.

Издание адресовано историкам, филологам и искусствоведам, специализирующимся на исследовании Средневековья, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей русской и славянской книжной культуры.

Подписано к печати 13.02.15. Уч.-изд. л. 3,8.

Издательство «Российская национальная библиотека», ОП.

191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., 18

Содержание

Алексеев А. И. Опыт биографии русского святого: преподобный Иосиф Волоцкий	5
Афанасьева Т. И. Гимнографические переводы святителя Феодора Симоновского	13
Глинских С. С., иерей Новые данные архивных документов о церковно-административных трудах, приведших архимандрита Леонида (Кавелина) на пост наместника Лавры преподобного Сергия	16
Грбич Д. Рукописные Грамматики славянского языка в библиотеке монастыря Грабовац	19
Иванова К. Заметки о рукописях сербского Архангельского монастыря в Иерусалиме	20
Иванова М. Г. Свод песнопений в честь святых благоверных князей Бориса и Глеба в рукописи из Библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря № 586/843: особенности композиции	24
Левшина Ж. Л. Служба мученику Андрею Стратилату — еще одно гимнографическое творение Пахомия «ижде от Святыя Горы Сербина»?	26
Ляховицкий Е. А., Шibaев М. А. Кодикологические особенности Софийского комплекта Великих Миней Четьих святителя Макария	30
Остапчук Е. Рукописи Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря	31
Панченко Ф. В. Истоки художественного своеобразия Супрасльского сборника Матфея Десятого	32

Подковырова В. Г.	
Ранние русские лицевые Апокалипсисы в монастырских библиотеках: к вопросу о начальной иконографии	34
Пузович Л.	
Попытка реконструкции рукописного собрания монастыря Девич.....	35
Рамазанова Н. В.	
Сербские святители Савва и Арсений в русских певческих рукописях	36
Смирнова Э. С.	
Рязанское Евангелие конца XV — начала XVI века из Никольского Волосовского монастыря и проблема копирования русского тератологического орнамента первой половины XIV века	39
Суботин-Голубович Т.	
Книжные собрания сербских монастырей второй половины XVI века	45
Уханова Е. В.	
Древнейший восточнославянский список Апостола конца XI — начала XII века из Софийского собрания РНБ.....	50
Чистякова М. В.	
Повесть о Варлааме и Иоасафе как литературный источник Жития Дионисия Глушицкого	58
Шевченко Е. Э.	
Преподобный Мартиниан Белозерский и общерусская канонизация преподобного Сергия Радонежского.....	58
Сокращения	61
Авторы	63

ОПЫТ БИОГРАФИИ РУССКОГО СВЯТОГО: ПРЕПОДОБНЫЙ ИОСИФ ВОЛОЦКИЙ

Основатель монастыря близ города Волоколамска игумен Иосиф (Санин; 1439–1515) принадлежит к числу наиболее ярких личностей средневековой Руси. Он оставил глубокий след в богословии, литературе, иконописи; его идеи оказали сильное влияние на русскую культуру. Игумен Иосиф был современником первого государя всея Руси Ивана III, при котором великое княжество Московское стало одной из крупнейших держав в Восточной Европе. Ему неоднократно приходилось противостоять самому московскому самодержцу, возвышая свой голос в защиту Церкви и мира в государстве. Иосиф Волоцкий был участником Церковных Соборов на еретиков, защитником монастырских имуществ от посягательств великокняжеской власти.

Уже современники признавали выдающееся значение за преподобным Иосифом. Об этом свидетельствует то внимание, которое оказывали ему великие князья — первый государь всея Руси Иван III, его сын и преемник Василий III. Его сочинения глубоко почитали митрополит Макарий и царь Иван IV Васильевич. Труды Иосифа Волоцкого продолжали пользоваться популярностью и у последующих поколений читателей, привлекая внимание как сторонников его идей, так и весьма влиятельных противников.

Критическое отношение к личности и деятельности Иосифа Волоцкого появляется в трудах историков «Века Просвещения» — князя М. М. Щербатова и Н. С. Арцыбашева. Это было обусловлено начавшейся секуляризацией русской жизни и влиянием на русское общество идей Вольтера, Дидро и других европейских мыслителей. С другой стороны, значение трудов Иосифа Волоцкого как исторических и литературных произведений было вполне осознано наиболее видными исследователями XIX в. Сочинениями Волоцкого игумена пользовались Н. М. Карамзин и митрополит Евгений (Болховитинов), С. М. Соловьев и митрополит Макарий (Булгаков), Н. И. Костомаров и В. О. Ключевский, Е. Е. Голубинский и др. Новый импульс растущему интересу к личности и творчеству Иосифа придали публикации его произведений. В 1857 г. И. Я. Порфирьевым в Казани был впервые издан текст «Книги на еретиков», получившей известность под названием «Просветитель». Корпус агиографических сочинений, посвященных преподобному Иосифу, в составе «Надгробного слова» и двух житий опубликовал в 1865 г. К. И. Невоструев.

Первое монографическое исследование, посвященное преподобному Иосифу, написал священник Николай Булгаков. Он добросовестно пересказал основные факты из житий Иосифа (Санина) и дополнил их наблюдениями над известными сочинениями преподобного. Весьма подробный анализ сочинений преподобного Иосифа был предпринят И. Хрущовым. Ряд его принципиальных выводов был оспорен К. И. Невоструевым. Однако обозначившаяся академическая традиция изучения жизни и творчества Иосифа Волоцкого как одного из самых оригинальных авторов средневековой Руси была в скором времени искажена сильнейшим налетом публицистичности.

Фигура преподобного Иосифа попала в фокус общественного внимания со второй половины XIX в. В глазах представителей либеральной интеллигенции Иосиф Волоцкий приобрел значение символа худших атрибутов Средневековья — обскурантизма и инквизиции. Его личность стала рассматриваться в неразрывной связи с личностью другого преподобного — Нила Сорского. Если Сорский аскет воспринимался как воплощение христианских добродетелей — смирения, нестяжательности, стремления к самосовершенствованию, то Иосиф Волоцкий представлялся его антиподом — олицетворением начетничества, нетерпимости, жадности к имуществу и материальным благам. По выражению знаменитого историка русской церкви А. В. Карташева, оформившаяся в либеральной историографии оценка исторических фигур преподобных Нила Сорского и Иосифа Волоцкого «стала до навязчивости как бы обязательной для всякого просвещенного читателя»¹.

Вот что писал маститый историк и одновременно основатель партии кадетов П. Н. Милюков: «Иосиф готов был считать торжество московских государственных порядков — торжеством самой Церкви и содействовал ему всеми возможными средствами»². Никаких других сторон деятельности Волоцкого подвижника представители либеральной литературы не замечали, но при этом не считали возможным сдерживаться в оценках. Вот,

---

¹ См.: «Внушается якобы самоочевидная порочность точек зрения пр. Иосифа на все церковно-государственные взаимоотношения и, наоборот, канонизуется и выдается за единственно будто бы для христианства нормативную мироотрешенная, внесударственная пустынно-нишняя позиция пр. Нила. В этом одностороннем выборе между двумя богословскими умонастроениями, на самом деле одинаково оправданными и освященными церковным преданием и античной, и византийской, и всей древне-русской Церкви, и состоит то искажение, та богословская кривизна, которую сознательно и умышленно приняла светская, университетская и популярная история русской литературы с эпохи Белинского» (*Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви*. М., 1991. Т. 1. С. 396–397).

² *Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры*. Т. 2. Ч. 1. М., 1994. С. 36.

например, цитата из Н. А. Бердяева: «Иосиф Волоцкий — роковая фигура не только в истории православия, но и в истории русского царства»³.

Впрочем, в работах серьезных исследователей правовых учений средневековой Руси — М. Дьяконова⁴, В. Вальденберга — был выражен совершенно иной взгляд на личность Иосифа. Например, подчеркивалось, что именно Волоцкий игумен впервые в отечественной культуре сформулировал учение о пределах царской власти и о праве подданных сопротивляться этой власти, если она выходит за обозначенные пределы. В. Вальденберг полагал, что это учение «с полным основанием может быть названо учением о правомерном сопротивлении государственной власти»⁵.

Взвешенные оценки личности преподобного Иосифа были даны в работах мыслителей из русской эмиграции. Г. П. Федотов в популярной брошюре о святых Древней Руси уделил несколько страниц преподобному Иосифу. Негативно оценивая его деятельность в целом, он отмечал, что Иосиф Волоцкий превращал социальную работу монастыря «в широкое национальное служение», содействовал «развитию политического сознания московского князя в царя православного» и т. д.⁶

Еще дальше в реабилитации Иосифа Волоцкого продвинулся о. Георгий Флоровский. Он указывал, что главным в деятельности преподобного Иосифа являлась «правда социального служения»⁷. В. В. Зеньковский, оценивая учение Иосифа Волоцкого о царской власти, писал: «Царская власть,

---

³ *Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 49. В высказывании Н. А. Бердяева яростная эмоциональная оценка затмевает все факты: «Иосиф Волоцкий — представитель православия, обосновавшего и освящавшего Московское царство, православия государственного, потом ставшего императорским православием. Он сторонник христианства жестокого, почти садического, властолюбивого, защитник розыска и казни еретиков, враг всякой свободы» (Там же. С. 48).

⁴ *Дьяконов М.* Власть московских государей: Очерки по истории политических идей древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889. С. 94–95, 129.

⁵ *Вальденберг В.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916. С. 215.

⁶ *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. М., 1990. С. 183.

⁷ См.: «Он (Иосиф Волоцкий. — А. А.) был великим благотворителем, “немощным спострадателем”, и монастырские “села” защищал он именно из этих филантропических и социальных побуждений. Ведь “села” он принимает от владущих и богатых, чтобы раздавать и подавать нищим и бедным. И не только из страха, и не только из чувства долга, но именно из милосердия Иосиф благотворит, и обращает свою обитель то в сиропитательницу, то в странноприимный дом, и учреждает “божедомье” в погребение странным. Самого царя Иосиф включает в ту же систему Божия тягла, — и Царь подзаконен, и только в пределах Закона Божия и заповедей

хотя и имеет отношение к земной жизни людей, является в этой идеологии фактом внутрицерковного порядка»⁸.

В работах историков советского периода, проникнутых вульгарно атеизирующими антицерковными установками, содержались ожидаемые негативные оценки деятельности Иосифа Волоцкого. Однако с 1950-х гг. наметилась тенденция к глубокому изучению его произведений. Наиболее полно эта тенденция воплотилась в работах А. А. Зимина и Я. С. Лурье. Оба ввели в научный оборот значительное количество текстов, вышедших из-под пера Иосифа Волоцкого. Эти тексты были впервые исследованы в историческом контексте, позволяющем понять условия, цели и задачи их создания, определить авторский замысел не произвольно, а применительно к реалиям эпохи. Замечательным памятником исследовательской мысли стала монография А. А. Зимина, в которой была впервые воссоздана история Иосифо-Волоколамского монастыря в первое столетие после его основания, показана выдающаяся роль обители в политической и культурной истории страны⁹.

Интерес исследователей общественно-политической мысли и правовых учений к творчеству Иосифа Волоцкого был постоянным, но, как правило, очень поверхностным. Его называли в числе представителей российской схоластики, причисляли порой даже к «монархомахам», чьи идеи якобы обнаруживают сходство с политической философией Гуго Гроция. Тем не менее, фигура Иосифа Волоцкого заняла свое место в соответствующих главах курсов по истории русской философии и права.

Если мы откроем современный учебник по истории политических и правовых учений, то можем там прочитать, что Иосиф Волоцкий является одним из самых выдающихся деятелей русской церкви за всю ее историю. Значение его для российской истории раскрывает следующий абзац: «Практические усилия Иосифа Волоцкого и его последователей — иосифлян — во многом определили характер внутренней организации русской православной церкви, место последней в политической системе Московии, взаимоотношения Церкви с верховной государственной властью. Сформулированные же Иосифом Волоцким теоретические положения, касающиеся сущности и функций верховной государственной власти, легли в основание официальной политической идеологии русского об-

---

обладает он своей властью» (Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 18).

⁸ Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 1, ч. 1. Л., 1991. С. 48.

⁹ Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI вв.). М., 1977.

щества XVI–XVII вв.»¹⁰. Столь высокая оценка личности и деятельности преподобного Иосифа Волоцкого со стороны политологов и юристов не должна избавлять историков от необходимости внимательного изучения всех источников, касающихся личности Волоцкого игумена. В последние годы появилась возможность исследовать деятельность и творчество преподобного, избегая любых навязанных той или иной идеологией оценок, на основе всего доступного материала, с учетом достижений предшественников.

Исследователи русского Средневековья, как правило, имеют дело с довольно скудной источниковой базой. Причин тут две. Первая из них заключается в том, что история России оставила по себе гораздо более слабый след в памятниках письменности и археологии, нежели история стран Западной Европы; вторая — в том, что сохранность письменных источников о русском Средневековье очень неудовлетворительна.

Но, приступая к написанию биографии преподобного Иосифа Волоцкого, исследователь не должен жаловаться на недостаток источников. О жизни преподобного нам известно гораздо больше, чем о жизни подавляющего большинства людей русского Средневековья, не исключая и некоторых великих князей. Причиной тому несколько обстоятельств.

Во-первых, до нас дошел значительный корпус сочинений самого Волоцкого игумена. Значение этих произведений для выяснения роли преподобного Иосифа в церковно-государственной жизни России в конце XV — начале XVI в. исключительно велико. Но для исследователя его жизненного пути не меньшую ценность представляет эпистолярное творчество, которое насчитывает не менее тридцати посланий¹¹. Правда, большим недостатком является то, что почти все они могут быть датированы только на основании косвенных признаков и лишь предположительно.

Во-вторых, только агиографических памятников, полностью или частично посвященных преподобному Иосифу Волоцкому, сохранилось четыре. По-видимому, первым из них стало «Надгробное слово», принадлежащее перу Вассиана Топоркова¹², племянника преподобного Иосифа. Считается, что «Надгробное слово» Вассиан написал в 1540-х гг., хотя более обоснованным кажется мнение в пользу более ранней датировки этого

---

¹⁰ История политических и правовых учений / под ред. проф. О. Э. Лейста. М., 2004. С. 112.

¹¹ Послания Иосифа Волоцкого / подг. Я. С. Лурье. М.; Л., 1959; *Кобрин В. Б.* Послание Иосифа Волоцкого архимандриту Евфимию // Записки ОР [ГБЛ]. М., 1966. Вып. 28. С. 236–239.

¹² Надгробное слово преп. Иосифу Волоколамскому ученика и сродника его Досифея Топоркова / изд. К. Невоструев. СПб., 1865.

памятника — 1520-ми гг. Тот факт, что «Надгробное слово» вышло из-под пера близкого преподобному Иосифу человека, сообщает ему высокую степень надежности.

Видное место занимала фигура преподобного и в другом произведении Вассиана Топоркова — «Волоколамском патерике»¹³. Патерик был написан в 1540-х гг. и сохранил драгоценные сведения о жизни Иосифа Волоцкого еще в бытность монахом Пафнутьево-Боровского монастыря. Источником сведений, сообщаемых Вассианом в Патерике, послужили рассказы преподобных Пафнутия Боровского, Иосифа Волоцкого и его брата — архиепископа Ростовского Вассиана.

Житие преподобного Иосифа Волоцкого написал один из ближайших сотрудников митрополита Макария — епископ Крутицкий Савва Черный, который и сам был постриженником Иосифо-Волоколамского монастыря¹⁴. В своей работе епископ Савва ориентировался на личные воспоминания о преподобном Иосифе, а также на сведения старцев, которые близко знали основателя обители. Митрополит Макарий был вполне удовлетворен работой епископа Саввы Черного и включил текст Жития Иосифа в состав Великих Миней Четьих. Однако к середине XVI в. Иосиф Волоцкий канонизирован не был. Верные памяти своего игумена ученики и почитатели заказали новое Житие некоему искусному книжнику. Предположительно, им стал сербский агиограф Лев Аникита Филолог¹⁵. Он уже имел опыт написания житий преподобных Зосимы и Савватия Соловецких и зарекомендовал себя мастером «плетения словес». В новом Житии был использован труд епископа Саввы Черного, а также рассказы о преподобном Иосифе его учеников¹⁶. В дальнейшем большей популярностью пользовалось, однако, Житие, написанное епископом Саввой. Оно дополнялось записями посмертных чудес преподобного Иосифа и претерпевало редакционные изменения. Сведения обоих житий в большинстве случаев прекрасно дополняют друг друга.

---

¹³ См. последнее изд.: Волоколамский патерик // Древнерусские патерики / изд. Л. А. Ольшевская, Н. И. Травников. М., 1999.

¹⁴ Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное Саввой / изд. К. И. Невоструев. М., 1865; Житие прп. Иосифа, написанное епископом Саввой Крутицким // ВМЧ. Сентябрь 1–13. СПб., 1868. Стб. 453–499.

¹⁵ *Иванов С.* Кто был автором анонимного жития преп. Иосифа Волоцкого? // Богословский вестник. 1915. Т. 3. Сентябрь. С. 173–190. Версию об авторстве Филолога опровергает Р. П. Дмитриева (*Дмитриева Р. П.* Лев Филолог // СККДР. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 5).

¹⁶ Житие Иосифа Волоцкого, составленное неизвестным / изд. С. А. Белокуров // ЧОИДР. 1903. Кн. 3. С. 13–47.

Знаменитый историк В. О. Ключевский был одним из лучших знатоков житий русских святых. Обладая талантом выражать свои мысли блестящими афоризмами, Василий Осипович однажды высказался о различии между биографией и житием следующим образом: разница между ними «та же, которая существует между иконой и портретом»¹⁷. Этот парадокс он объяснял тем, что автор жития и биограф рассматривают своих героев с разных точек зрения: «первый ищет в нем отражения отвлеченного идеала, второй индивидуальных исторических черт»¹⁸. Автор Жития стремится показать, как именно Бог прославляет своих угодников, а биограф ориентирован на то, чтобы рассказать историю жизненного успеха того или иного человека. Ушли в прошлое те времена, когда исследователь, работая с житиями святых, стремился развенчать героев повествования. Всячески подчеркивалась недостоверность чудес, отыскивались приземленные мотивы идеальных поступков и подвигов аскезы и т. д. Выработанные в последние десятилетия приемы критики текста позволяют извлекать из житий ценнейшие сведения, достоверность которых проверяется путем сопоставления с фактами, извлеченными из других источников.

Помимо агиографических текстов, сведения о жизни и деятельности Иосифа содержатся в летописях Иосифо-Волоколамского монастыря. Еще ранее «Надгробного слова» и обоих житий, по-видимому, сразу после кончины преподобного Иосифа, в обители был составлен краткий рассказ о его жизни — так называемый «Летописчик Иосифа Санина»¹⁹. В нем были обозначены основные этапы деятельности преподобного: рождение, монашеский постриг, основание монастыря на Волоке Ламском, строительство каменных церквей, усение.

Хозяйственная и административная деятельность преподобного Иосифа нашла отражение в документации основанной им обители, в монастырских актах, которые изданы и доступны исследователям²⁰. Книжные интересы Волоколамского игумена могут быть изучены на материале рукописных книг монастырской библиотеки. К сожалению, до сих пор достоверно не удалось отождествить почерк дошедших до нас рукописей с почерком преподобного. Однако надежду на то, что рано или поздно это удастся сделать, вселяет хорошая сохранность монастырской библиотеки, которая

---

¹⁷ Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества. М., 1974. С. 138.

¹⁸ Плигузов А. И., Янин В. Л. Послесловие // Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 5.

¹⁹ Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. М., 1950. Т. V; Плигузов А. И. Летописчик Иосифа Санина // Летописи и хроники. М., 1984. С. 174–186.

²⁰ Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1956. Ч. 2.

большей частью находится в отделах рукописей Российской государственной библиотеки и Государственного исторического музея в Москве.

Некоторая толика сведений об участии Иосифа Волоцкого в полемической борьбе начала XVI в. может быть извлечена из сочинений его противников. Самым известным из них был князь-инок Вассиан Патрикеев, оставивший произведения, некоторые из которых созданы непосредственно в целях полемики со взглядами Волоцкого игумена²¹.

Наконец, упоминания о деятельности Иосифа Волоцкого, его сторонников и противников могут быть извлечены из летописей, которые сохраняют значение основных источников для исследователей русского Средневековья.

Немецкий славист Г. Шульц в письме к митрополиту Питириму (Нечаеву) заметил, что ситуация с изучением творческого наследия Иосифа Волоцкого совершенно неудовлетворительна, в то время как фигура самого преподобного и его творчество являются ключом к пониманию всего XVI столетия²². С этим высказыванием следует согласиться не в смысле уничтожительной оценки результатов работы поколений исследователей, но в том, что подошла пора правильно оценить масштаб личности преподобного Иосифа и гигантское значение его деятельности для последующих поколений.

Выдающееся значение личности Иосифа Волоцкого проиллюстрируют несколько высказываний, в каждом из которых в отношении преподобного звучит эпитет «первый». Вот далеко не полный их перечень.

- Преподобный Иосиф Волоцкий является автором *первого* дошедшего до нас письменного монастырского Устава.
- Преподобный Иосиф Волоцкий является автором «Книги на еретиков», или «Просветителя», — *первого* на Руси богословского трактата, в котором русское православие догматически определило себя.
- Преподобный Иосиф Волоцкий является автором *первой* эстетической теории на Руси. Его эстетические идеи легли в основу строительства храмов, определили сюжеты и программы фресковой живописи, иконописи, книжного дела и гимнографии.
- Преподобный Иосиф Волоцкий *первым* создал учение и заложил основы поминальной практики как строго организованной системы вкладов по душе и заупокойных служб. Тем самым он создал единственный действенный механизм перераспределения богатств в средневековом об-

---

²¹ См.: Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960.

²² Питирим (Нечаев), митр. Волоколамский и Юрьевский. Преподобные Нил Сорский и Иосиф Волоцкий // Тысячелетие крещения Руси: сборник материалов. М., 1989. С. 75.

шестве, заложил прочное основание благотворительной деятельности монастырей на Руси. Созданная в стенах Иосифо-Волоколамской обители поминальная практика была в качестве образцовой усвоена крупнейшими русскими монастырями — Троице-Сергиевым и Кирилло-Белозерским.

- Преподобный Иосиф Волоцкий *впервые* в России обосновал неотчуждаемость монастырских имуществ и их предназначение на дела благотворительности.

- Преподобный Иосиф Волоцкий *впервые* создал в своем монастыре образцовую систему подготовки кандидатов для занятия епископских кафедр. На протяжении XVI столетия не менее восемнадцати постриженников Иосифо-Волоколамского монастыря вошли в число высших иерархов Русской Церкви.

Учитывая все эти факты, можно не удивляться выводу, сделанному В. О. Ключевским: «...ни один русский монастырь не обнаружил литературного возбуждения, равного тому, какое находим в обители Иосифа»²³.

Т. И. Афанасьева (Санкт-Петербург, Россия)

ГИМНОГРАФИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ СВЯТИТЕЛЯ ФЕОДОРА СИМОНОВСКОГО

Преподобный Феодор Симоновский — это, пожалуй, первый русский переводчик, который нам известен по имени и о котором до нас дошли биографические сведения. Напомним, что никаких данных об именах переводчиков домонгольского периода нет.

Святитель Феодор Симоновский происходил из ростовских бояр и в миру носил имя Иван. Его отец Стефан, родной брат Сергия Радонежского, был влиятельным лицом при радонежском князе Андрее. Мы не имеем никаких достоверных данных о том, откуда Феодор знал греческий язык, но известно, что еще юношей он был пострижен с именем Феодор своим дядей Сергием Радонежским в Троице-Сергиевой лавре, где получил образование и провел 22 года. В 1374 г. он знакомится с Киприаном и принимает активное участие в сложной борьбе за митрополичий престол Пимена, Дионисия и самого Киприана. После Куликовской битвы (1381 г.) он становится духовником Димитрия Донского и в дальнейшем искусно

---

²³ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых... С. 292.

лавирует между княжескими и митрополичьими политическими интересами.

Нам известно не менее семи переводов, выполненных Феодором. Это переводы авторских гимнографических сочинений — патриарха Филофея Коккина и Иоанна Мавропода. Феодор всегда называет себя как автора перевода, например: «...преведен бысть на русский язык пресвитером Феодором».

На переводы Феодора указывали разные исследователи. Так, впервые о нем пишет И. Д. Мансветов в своей книге «Митрополит Киприан в его литургической деятельности» (М., 1882). Ряд произведений Феодора назвал Г. М. Прохоров в статье о славянских переводах гимнов патриарха Филофея Коккина. Кроме этого, в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» Н. Ф. Дробленкова указала еще на несколько переводов¹.

Что же это за произведения?

Перевод двух канонов Иоанна Мавропода, епископа Евхаетского:

1. Канон молебен к Пресвятей Богородице, певаем от лица незрящего человека, творение Иоанна Евхаетского — «Скрушенным сердцем и помыслом смиренным...». Известен только в двух списках: ГИМ, Син. 468, л. 157 об.–165 и РНБ, Соф. 837, л. 365–369 об., причем в последнем списке канон приведен без имени Феодора, но перевод здесь тот же.

2. Канон Иоанну Предтече за болящего — «Погроужаемыя недоугом боурею». Известен только в одном списке Соф. 837, л. 359 об.–365².

Среди изданных канонов этого византийского автора греческих оригиналов переводов Феодора найти не удалось. Однако они имеются в рукописных источниках. Благодаря помощи Э. Н. Добрыниной греческие оригиналы канонов Иоанна Мавропода, переведенных святителем, удалось отыскать в рукописи XIV в. из Венской национальной библиотеки Theol. gr. 78 (Собрание канонов Иоанна Мавропода).

Перевод произведений патриарха Филофея Коккина:

1. Канон молебен к Иисусу Христу «на глад и томление ѿ скудства житнаго», творение Филофея — «Всех отец Владыка Ты и Питатель благ...». Известен только в одном списке ГИМ, Син. 468, л. 119–127.

2. Канон на «достолепное усение Пречистыя Владычице Богородицы... певаем на павечерницы», творение Филофеево — «Всел предлежаща

---

¹ Дробленкова Н. Ф. Феодор [Симоновский] // СККДР. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 448–450.

² За указание на этот список благодарю О. В. Ладу.

Влѣдче Отроковице твари». Известен в двух минеях из Кирилло-Белозерского собрания РНБ: Кир.-Бел. 300/557, л. 153–156 и Кир.-Бел. 6/1083, л. 171 об.–175 об.

3. Последование «другое», певаемо к Богородице от бездождия, творение Филофея — «В печалех, Владычице, Помощницу, избавление в бедах». Этот канон, пожалуй, самый распространенный в русской письменности. Он известен в следующих списках: ГИМ, Син. 468, л. 149 об.–155; ГИМ, Син. 774, л. 22–36; РГИА, ф. 834, оп. 1, № 441, л. 406–420; РНБ, Соф. 1075, л. 1–10. Это единственный канон Филофея Коккина, для которого известен греческий оригинал, на что указал Г. М. Прохоров: ГИМ, Син. греч. 349, л. 14 об.–16 об.

Такой же канон, но в другом переводе сохранился в рукописи РНБ, Соф. 837, л. 356–359 об., что дает возможность анализировать технику и другие особенности перевода Феодора Симоновского в сопоставлении с этим.

Еще один перевод — **чин малого водосвятия** — сохранился в единственном списке РГАДА, Син. тип. 42, л. 73–86, озаглавлен следующим образом: **Крѣпнѣе водное творимое. чѣстными стѣли.**

Отметим, что создание этих переводов можно датировать исходя из статуса Феодора, который он всегда указывает в заглавии произведения. Так, чин малого водосвятия, все каноны Иоанна Мавропода и один канон патриарха Филофея он перевел в сане пресвитера, а два канона патриарха Филофея — на бездождие и на Успение Богородицы — в сане первопресвитера, т. е. после 1385 г.

При сопоставлении одних и тех же песнопений, известных в славянских рукописях и в переводе Феодора, можно заметить, что перевод Феодора обладает некоторыми архаическими чертами.

Так, например, он редко употребляет союз «иже» в атрибутивных конструкциях. В примерах, приведенных ниже, на первом месте стоит перевод Феодора, на втором — другие славянские переводы XIV в.:

- **Гѣи всега видныма и невидныма твари вожа : гѣи иже всега твари сдѣтель**
- **и всеѣм в бѣдах мѣтвно приемла слезы : иже всеѣх в нѣжахъ оумиленыа приемла слезы**
- **изволивый въ норданѣ крѣститиса : иже во норданѣ крѣститиса въсприятъ**

Он переводит местоимение **аѹтѣс** как «ты», в отличие от правленных текстов, где это местоимение переводится как **самъ**.

• и ты оубо члвколюбче блдко давыи намъ шдежю свѣтозарнѹю
шблещисѧ : сам члвколюбче блдко давыи намъ снѣгосвѣтлѹю шдѣятисѧ

Зачастую он приводит неодоушевленные формы местоимения: «ны» вместо «нас» (форма, характерная для правленных редакций).

• и блгви всѧ ны : блгви всѣхъ нас
• сподоби ны напольтисѧ стна твоеѧ : сподоби нас исполнитисѧ
шсбщннѧ твоего

Чин освящения воды Феодор переводит в сане пресвитера, т. е. до 1385 г. Видимо, это один из ранних его переводов, которые он делал, пока пребывал в Константинополе с митрополитом Дионисием. Однако более поздний его труд — канон на бездождие, переведенный им, когда он был в сане протопресвитера, демонстрирует процесс усваивания им особенностей перевода, свойственных правленным редакциям, в частности техники перевода митрополита Киприана.

Так, в каноне на бездождие мы видим употребление множественного числа вместо двойственного: роуками носѧци дѣво. Подобные замены наблюдаются в переводах патриарха Евфимия и митрополита Киприана. Он часто употребляет энклитические местоимения в притяжательной функции, но в отличие от правленных редакций предпочитает местоимение «си», а не «ти»: молитвами си, рождествомъ си, людемъ ти, матерними си молитвами. Местоимение αὐτός здесь переводится как самъ.

Таким образом, техника перевода Феодора, видимо, претерпевает изменения под влиянием более авторитетного переводчика — митрополита Киприана, который приносит новые нормы на Русь.

С. С. Глинских, иерей (Москва, Россия)

НОВЫЕ ДАННЫЕ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ О ЦЕРКОВНО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ТРУДАХ, ПРИВЕДШИХ АРХИМАНДРИТА ЛЕОНИДА (КАВЕЛИНА) НА ПОСТ НАМЕСТНИКА ЛАВРЫ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ

Архимандрит Леонид (Кавелин) (1822–1891) — это достойнейший ратник иноческой ученой дружины. Он поражал современников глубиной и

масштабностью своих научных интересов. Но, к сожалению, до сих пор многие страницы его научной жизни и пастырского служения не изучены. Например, о его церковно-административных трудах, увенчавшихся постом наместника Троице-Сергиевой Лавры, отдельных исследований пока нет. Промыслительно свой путь к наместничеству в этом монастыре Лев Кавелин начал в Приморской Сергиевой пустыни. Там, под незримым покровом Радонежского чудотворца, он духовно окормлялся, обучался наивысшему на земле — умному деланию — у архимандрита Игнатия (Брянчанинова) и получил благословение на принятие монашества. Впоследствии отец Леонид посвятил преподобному Сергию и основанной им лавре 12 трудов. Они показали благодарность, любовь и близость по духу архимандрита к преподобному. Помимо духовных подвигов, отцу Леониду, как и преподобному Сергию, предстояло понести в Церкви и обязанности по управлению.

В неопубликованных исторических источниках нами обнаружены новые данные о церковно-административных подвижнических трудах архимандрита Леонида (Кавелина), приведших его к руководству Троице-Сергиевой Лаврой.

Отец Леонид в 1864 г. был послан Священным Синодом по совету митрополита Филарета (Дроздова) для исправления дел в Иерусалимскую Русскую Духовную Миссию. Это учреждение, судя по свидетельствам иеромонаха Ювеналия (Половцева), настоятеля Лавры преподобного Саввы Освященного архимандрита Иоасафа и самого отца Леонида, хранящимся в фондах А. А. Дмитриевского и А. С. Норова в Российской национальной библиотеке, досталось ему в неблагоприятном состоянии. В течение года архимандрит Леонид провел работу по наведению порядка. Но чиновники Министерства иностранных дел и Русского общества пароходства и торговли, Иерусалимский патриарх Кирилл II и ряд других церковных деятелей посчитали ее неправильной, вредной для Миссии. Они пожелали осуждения и удаления архимандрита из Иерусалима.

Однако обнаруженные нами документы показывают противоположное. Донесение в Священный Синод архимандрита Антонина (Капустина), посланного к отцу Леониду для расследования и наведения порядка, гласит: «... я честь имею почтительнейше донести... что церковь Миссии, ее имущество, ее богослужение, ее наличный причт найдены мною в надлежащем порядке, так что впредь остается только поддерживать то, что заведено при ней и получило определенный вид и ход. 8 октября 1865 г.» (РГИА, ф. 797, оп. 1, д. 100, л. 156–156 об.). Этот доклад подтверждается следующим достоверным архивным источником. Это запись в дневнике отца Антонина (Капустина) о том, что 15 сентября архимандрит Леонид приступил к сдаче Миссии и отчетность была найдена в образцовом порядке: суммы больше,

чем в Цареграде, пересмотрена была ризница. 17-го числа принят архив, 20-го передана в дар Миссии библиотека (РНБ, ф. 253, оп. 1, ед. хр. 175, л. 121). Таким образом, священник, посланный по инициативе Министерства иностранных дел устранять беспорядки, напротив, свидетельствует о наведенном образцовом порядке.

Следующий найденный архивный документ свидетельствует о служении архимандрита Леонида в Ново-Иерусалимском монастыре, куда он был послан для наведения порядка в 1870 г. Это указ «Его Императорского Величества, Московской конторы Священного Синода наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Архимандриту и Кавалеру Леониду». Он гласит: «Как представленные Вашим Высокопреподобием главные и дополнительные описи церковных и ризничных вещей и книгохранилища составлены на точном основании Высочайше утвержденных в 23 день Марта 1853 г. правил о составлении церковных описей и согласно с приложенной при сих правилах формою 2. Описи сии, по поручению Конторы Святейшего Синода, были поверяемы в 1875 г. Членами Конторы Святейшего Синода Кремлевского Большого Успенского Собора Прот. Дмитрием Петровичем Новским с прежними описями и самой наличностью вещей, и по исправлении оказались во всем сходными, приказали: 1) ...размножить их в трех экземплярах..., 2) Как составление сих описей монастырского имущества и приведение многотрудного дела этого к благоуспешному окончанию произведено было особыми трудами и заботливостью Вашего Высокопреподобия, то объявить Вам за этот личный и полезный для монастыря труд Ваш глубокую благодарность Конторы Святейшего Синода, о чем и послать Вашему Высокопреподобию указ. — Июля 18 дня 1877 года. Коллежский секретарь М. Беляев» (РГБ, ф. 148, картон 4, ед. хр. 11, л. 12–13 об.). Из этого документа видно, что церковное начальство отметило благодарностью серьезное, ответственное, умелое отношение отца Леонида к возложенному на него служению.

В результате этого краткого рассмотрения можно сделать вывод, что вводимые в научный оборот источники, в противовес мнениям людей, осуждающих деятельность архимандрита Леонида (Кавелина), свидетельствуют о его добросовестном, успешном, примерном исполнении своих церковно-административных обязанностей. В перспективе намечены более серьезные научные исследования о пути архимандрита к ответственному посту наместника Лавры преподобного Сергия, 700-летие которого мы отмечаем.

РУКОПИСНЫЕ ГРАММАТИКИ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В БИБЛИОТЕКЕ МОНАСТЫРЯ ГРАБОВАЦ

Сербский монастырь Грабовац находится в Венгрии, в жупании (области) Торонтал, южнее Будапешта. Он основан в 1587 г. сербскими монахами, которые во время турецкого рабства бежали из монастыря Драгович, что в Далмации (Хорватия), из-за разразившегося в тех местах голода.

Монастырь Грабовац в прежние времена страдал от разрушений. Нынешняя обитель возведена в период между 1736 и 1741 гг. После Второй мировой войны монастырь был отобран у Сербской Православной Церкви, но возвращен ей снова в 1994 г. Его возрождение протекает тяжело, и сейчас обитель населяют всего лишь несколько монахов.

Библиотека монастыря существует с самого возникновения обители. Первоначальный фонд составляли книги, которые пришедшие из Драговича монахи принесли с собой. Впоследствии библиотека обогатилась книгами, переписанными в самой обители или приобретенными ею для удовлетворения различных потребностей.

В то время, когда монастырь не принадлежал Сербской Православной Церкви, библиотека была перемещена в Музей Сербской Православной Церкви в Сентандрее, где сейчас и находится. Это собрание составляет драгоценнейшую часть фонда Библиотеки Будимской епархии Сербской Православной Церкви в Сентандрее. Оно включает более тысячи книг, из них 62 рукописных XVI–XIX вв.

Большая часть рукописей датируется XVIII веком. Они были созданы в самом монастыре или в других скрипториях. Меньше всего книг богослужебного содержания, и преимущественно они были принесены из других центров.

В XVIII в. в монастыре писали помянники, летописи, счетоводные книги и тефтеры (записные книжки), переписывали Грамматики славянского языка и другие книги. В библиотеке находятся также учебники по теологии и полемические трактаты выдающихся церковных писателей.

Библиотека монастыря Грабовац по своему наполнению (содержанию книг) — учебная библиотека для монашеской школы, так как содержит преимущественно учебники. Для обучения монахов грамоте в монастыре составлены и переписаны три Грамматики славянского языка (русского варианта церковнославянского языка), из которых 2 относятся к 1743 г., а третья датируется временем ок. 1754 г. Одна Грамматика 1743 г. представляет собой список Грамматики Федора Максимова, изданной в Петербурге

в 1723 г., а две другие составлены из разных русских источников. Списки Грамматик из библиотеки монастыря Грабовац являются первыми Грамматиками славянского языка, которые появились в сербской среде. Первые аналогичные Грамматики сербских авторов (Стеван Вуяновски, Аврам Мразович) были созданы позже, в конце XVIII в.

К. Иванова (София, Болгария)

ЗАМЕТКИ О РУКОПИСЯХ СЕРБСКОГО АРХАНГЕЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ В ИЕРУСАЛИМЕ

Предметом данных заметок являются рукописи, которые несомненно или предположительно принадлежали библиотеке сербского монастыря Святого архангела Михаила (известен также как монастырь Святых Архангелов) до середины XIV в. и, в связи с этим, некоторые соображения относительно формирования книжного собрания монастыря Святых Архангелов на начальном этапе его существования.

Как известно, король Милутин (1282–1321) основал Архангельскую обитель не ранее 1303 г. и не позже 1315 г. Большая часть ученых принимает более позднюю датировку — 1313–1315 гг. Монастырь под опекой короля стал центром не только сербского, но и вообще славянского присутствия на Святой Земле. Обитель получила поддержку государственной власти и ее расцвет длился на протяжении всего XIV в. Сербские правители содержали монастырь до 1479 г. В 1504 г., когда сербская община надолго заняла Лавру Святого Саввы Освященного, Архангельский монастырь стал городским метохом этой обители. За это время Лавра и Архангельский монастырь находились под единым управлением, рукописи были общей собственностью. В XVII в. Лавра снова стала греческой, славянские рукописи были бесполезны для монастыря, и хранили их небрежно, не заботясь о сохранности книг, в так называемой Юстиниановой башне. В XVIII в. Архангельский монастырь был упразднен. Некоторые кодексы и печатные издания попали в Лавру, а в Архангельском монастыре почти ничего из славянских книг не осталось.

В настоящее время количество рукописей первой половины XIV в., о которых мы знаем или предполагаем, что они первоначально находились в Архангельском монастыре, невелико — их всего 10, и сохранились они более или менее по воле случая. В основном это кодексы из собрания Биб-

лиотеки Греческой Патриархии в Иерусалиме и из собрания А. С. Норова. Есть основания предполагать, что рукописи XIV в., которые А. С. Норов нашел в Саввиной Лавре и отвез в Москву (даже если на них есть владельческие записи о принадлежности монастырю Святого Саввы Освященного), попали в Лавру из Архангельского монастыря.

По этим кодексам можно судить о некоторых особенностях начального периода монашеской жизни в Архангельском монастыре. В обители служили на славянском языке, и богослужение велось по Евергетидскому уставу, однако не без влияния старосавваитской практики. По кодикологическим и текстовым особенностям книг можно предположить, что, скорее всего, они писались на Святой Земле на заказ, либо в качестве пожертвования пребывающими в обители паломниками.

Интерес вызывает место болгарских рукописей среди остальных книг сербского монастыря. Их четыре, причем все они представляют собой первостепенные памятники христианской письменности: Псалтирь, Евангелие, Требник, Апостол. Первые три рукописи связаны между собой: они возникли в небольшой промежуток времени и являются делом группы переписчиков (среди которых встречаются одни и те же книжники, трудившиеся также на Синае и/или на Балканах). При этом каждая из них уникальна, так как по составу и текстовым особенностям не совпадает с другими аналогичными (того же жанра) кодексами балканского происхождения. Конечно, самое простое объяснение то, что не только сербы, но и другие славяне (как монахи, так и паломники) пребывали в новом монастыре разное время, и их труд по переписыванию книг в гостинице был их вкладом в общую жизнь обители. Можно предположить также, что именно болгарские рукописи в это время (XIV в.) связывали книжные традиции Синая и крепнущую сербскую общину в Иерусалиме. В дальнейшем предпочтение стали отдавать сербским по орфографии текстам. В некоторых болгарских рукописях и из Иерусалима, и из Синая видны следы сербской орфографической правки.

ПРИЛОЖЕНИЕ
Рукописи (до середины XIV в.),
принадлежащие первоначальному комплекту книг
сербской Архангельской обители в Иерусалиме

Греческая Православная Патриархия (по номерам Красносельцева¹):

1. Иер. № 4. Минея служебная за сентябрь–ноябрь с проложными чтениями. Первая треть XIV в. Пергамен. 1⁰. Серб. Большого формата, в два столбца, представительная, по Евергетидскому уставу.

2. Иер. № 12. Рассказ о Чуде архангела Михаила в Хонех и Требник. Первая четверть XIV в. Бумага. 4⁰. Болг. Писали 8 книжников; некоторые из них идентифицированы А. А. Туриловым и мною как копиисты, работавшие и на Синае, и на Балканах.

Государственный исторический музей в Москве (Норовская коллекция из Лавры Святого Саввы Освященного²):

3. Увар. 285-4⁰. Норовская Псалтирь. Первая четверть XIV в. Пергамен. Болг. Греческая запись о принадлежности Архангельской обители. Почерками рукопись связана с другими книгами Синая и Иерусалима.

4. Увар. 480-1⁰. Четвероевангелие с дополнением (Норовское евангелие). Первая треть XIV в. Пергамен. Болг. Писали 7 копиистов. Почерками рукопись связана с другими кодексами Синая и Иерусалима.

5. Увар. 521-1⁰. Октоих староизводный. Первая треть XIV в. Пергамен. Серб. С дарственной записью короля Стефана Уроша Милутина. Некоторые особенности ее состава свидетельствуют о том, что она была написана,

---

¹ *Красносельцев Н. Ф.* Славянские рукописи Патриаршей библиотеки в Иерусалиме. Описание их // Православный собеседник. Казань, 1888. № 12. С. 1–32. Отд. оттиск: Казань, 1889; см. также: *Недомачки В.* О српским рукописам у Библиотеци грчке православно патријаршије у Јерусалиму // Археографски прилози. Београд, 1980. Бр. 2. С. 71–118.

² *Востоков А. Х.* Описание рукописных и печатных книг словенских, принадлежащих действительному статскому советнику А. С. Норову // Востоков А. Х. Филологические наблюдения / изд. по поручению Второго отделения Академии наук И. Срезневский. СПб, 1865. С. 172–187.

скорее всего, по заказу короля на Синае или же в самой Архангельской обители.

6. Увар. 70-1⁰. Пролог годовой первой редакции, с тропарями. Первая треть (начало?) XIV в. Восточная бумага. Серб. (правописание рашское). Материал письма и состав позволяют предположить, что рукопись переписана с более раннего Пролога не в Сербии, а, скорее всего, в Архангельском монастыре.

7. Увар. 459-1⁰. Служебный апостол. Середина XIV в. Бумага. Болг. В правописании есть архаические особенности. Сохранилось только указание, что рукопись принадлежала Лавре Святого Саввы. Предполагается связь с Синаем.

8. Увар. 574-4⁰. Служебник (Литургии святого Василия Великого и Преждеосвященных даров). Середина XIV в. Восточная бумага. Серб. Литургия Преждеосвященных даров надписана именем Епифания Кипрского, а это характерно для провинциальных центров Востока, и в первую очередь — для Палестины.

Рукописи в других хранилищах:

9. РГБ, Унд. 75. Вывезена А. С. Норовым из Лавры Саввы Освященного. Миня служебная за сентябрь–февраль с проложными чтениями. Первая четверть (начало?) XIV в. Пергамен. 1⁰. Серб. Место создания рукописи определить трудно. Не исключено, что она была написана в Сербии и привезена как вклад в Архангельский монастырь.

10. РНБ, Q.п.1.58. Канонник. Первая половина XIV в. Пергамен. 4⁰. Серб. Первый лист рукописи, как установил А. А. Турилов³, хранится в Национальной библиотеке в Париже. На нем читается запись, что книга перенесена из Архангельского монастыря на Синай.

---

³ Турилов А. А. Добромирово Евангелие // ПЭ. М., 2007. Т. 15. С. 489.

**СВОД ПЕСНОПЕНИЙ В ЧЕСТЬ СВЯТЫХ
БЛАГОВЕРНЫХ КНЯЗЕЙ БОРИСА И ГЛЕБА
В РУКОПИСИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ
КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ
№ 586/843: ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИИ**

Рукопись РНБ, Кир.-Бел. 586/843 (1589–1591 гг.), представляющая собой образцовый нотированный Стихирарь типа «Дьячье око», наряду с другими последованиями, содержит Службу святым благоверным князьям Борису и Глебу на 24 июля. Именно в этом списке представлен наиболее полный свод разножанровых песнопений в честь святых. Еще одна особенность последования — включение как древнейших песнопений (известных в нотированных списках XII в.), так и новых, созданных для раздела Малой вечерни и микроцикла литии, и появившихся после замены Студийского устава на Иерусалимский в XV в.

Последование песнопений благоверным князьям нами рассмотрено с позиций архитектоники и композиции, проанализированы закономерности его структурной организации как художественного текста.

Служба святым Борису и Глебу относится к средним полиелейным праздникам и состоит из трех разделов: Малой вечерни, Великой вечерни, включающей микроцикл литии, Утрени. Общее количество песнопений — 38, включает в себя стихиры, организованные по разному музыкальному принципу — на указанный подобен, распетые по модели первой стихире, самогласные, а в полижанровый раздел Утрени входят 4 тропаря, «припел» (величание), два канона, приведенные в виде инципитов начальных ирмосов, два светильна.

Под архитектурикой службы понимается ее структура (разделы службы, функция песнопений), регламентированные уставом. Музыкальная архитектоника проявляется в последовательности чередования песнопений разных гласов (индивидуального набора характерных интонационных формул), создающих гласовую драматургию.

Музыкальная архитектоника выстраивается по модели, заданной в разделе Малой вечерни, и заключается в использовании четных гласов (2, 4, 6, 8), являющихся структурообразующими для всего последования. Повтор гласа может выполнять функцию музыкальной скрепы, объединяющей разные разделы; служить обрамлением («рамой»), создавая замкнутое последование; подчеркивать идею двоичности (бинарности, парности),

поскольку Борис и Глеб — парные святые; объединять песнопения одной функции в службе. Раздел Утрени является контрастом, так как расширяет интонационную сферу, включая песнопения нечетных гласов (1-го и 5-го).

Созданию единого, целостного художественного «произведения» способствуют различные приемы. Первый их них — использование топов (устойчивых формул, в которых раскрываются образы святых). Они, с одной стороны, создают скрепы, поэтические арки, объединяющие песнопения, с другой стороны, появляясь в разных контекстах, обретают новые смыслы, позволяют провести параллели с песнопениями из служб разным святым (апостолам Петру и Павлу, великомученику Георгию, святым бессребренникам Козьме и Дамиану, великомученику Димитрию Солунскому). Другим приемом становится использование мотивов, идей, тем (среди которых мотив света и святости, почитание раки с мощами, восхваление посмертных чудес, жертва как подвиг святых, отречение от земных благ ради Небесного Царства, идея рода, заступничество за отечество), повторяющихся в песнопениях службы и обретающих индивидуальные черты. В одном песнопении могут использоваться несколько мотивов в различных вариантах их сочетания. В музыкальном тексте роль топов и мотивов играют повторяющиеся интонационные формулы (попевки, лица, фиты), которые выполняют определенную функцию в композиции песнопения, цикле песнопений, на протяжении всего последования. Повторы попевок, лиц, фит создают музыкальные арки, параллельные конструкции, «текст в тексте», что позволяет иначе осмыслить содержание поэтического текста. На примере мотива жертвенного подвига и убиения святых нами рассмотрены приемы взаимодействия музыкального и поэтического текстов, их организация, значимость этого мотива в различных разделах службы.

В результате проведенной работы сделан вывод, что композиция последования песнопений в службе святым Борису и Глебу на 24 июля по списку РНБ, Кир.-Бел. 586/843 представляет собой разомкнутую циклическую форму; созданию художественного единства, целостного впечатления способствуют общие принципы построения каждого из разделов; в основе лежат приемы повторности, как в поэтическом, так и в музыкальном текстах, концентрического изложения материала: развитие сюжета по спирали (повторение аналогичных событий по ходу развития действия) — от общего рассмотрения к более конкретному и углубленному. При составлении службы гимнограф смог соединить исторические реалии, индивидуальные особенности чина святости (страстотерпцы) и в то же время включить это в контекст общехристианской истории. Единству разделов способствует и выбор гласов, каждый из которых представляет собой интонационную сферу с индивидуальными выразительными особенностями.

В последовании песнопений Борису и Глебу отразился «анфиладный принцип» построения компилятивных древнерусских произведений, выявленный Д. С. Лихачевым.

Ж. Л. Левшина (Санкт-Петербург, Россия)

СЛУЖБА МУЧЕНИКУ АНДРЕЮ СТРАТИЛАТУ — ЕЩЕ ОДНО ГИМНОГРАФИЧЕСКОЕ ТВОРЕНИЕ ПАХОМИЯ «ИЖЕ ОТ СВЯТЫЯ ГОРЫ СЕРБИНА»?

В ходе археографической работы по поиску не опубликованных в современной русской («зеленой») Минее последований православным святым и праздникам, которая проводилась и проводится в рамках проекта «Литургическое наследие Православной Церкви» (руководитель — О. В. Лада)¹, был выявлен список Службы мученику Андрею Стратилату, в которой стихиры на «Господи, воззвах» и канон надписаны именем известного и весьма плодovitого книжника XV в. Пахомия Серба (Пахомия Логофета). Текст находится в рукописном Сборнике из собрания Н. Я. Колобова № 489, хранящемся в Российской национальной библиотеке. По бумажным водяным знакам рукопись датирована нами 40-ми гг. XVII в.

Сборник Колоб. 489 содержит следующие сочинения:

Л. 1–24 об.: «Месяца июля в 20 день. Повесть о явлении чудотворныя иконы Пречистые Владычицы наша Богородицы и Приснодевы Мария иже в Казани, списано смиренным Германом [ошибочно, вместо: Гермогеном] митрополитом Казанским и Азтороханским в лето 7102-го».

Л. 25–49 об.: «Месяца мая в 15 день, на память преподобнаго и боноснаго отца нашего Пахомия Великаго, убиение святаго и благовернаго царевича Димитрия Ивановича Углецакаго и Московскаго и всеа Руси».

Л. 50–51 об.: «В той же день убиение благовернаго царевича князя Димитрия Углецакаго и Московскаго и всеа Руси новаго чудотворца».

Л. 52–59: «Месяца августа в 19 день святаго мученика Андрея Стратилата и иже с ним пострадавших 2593».

---

¹ Подробнее о проекте см.: *Косицкая А. Е., Левшина Ж. Л.* Гимнография Area Orthodoxa в проекте «Литургическое наследие Православной Церкви» // Старобългарска литература. 2013. № 47. С. 391–406.

Л. 60–82: «Месяца августа в 19 день святого великомученика Христова Андрея Стратилата иже с ним 2599 [ошибочно, вместо: 2593]».

Далее до конца рукописи следуют патериковые рассказы.

Первые 3 текста объединены русской темой и небольшим временным промежутком между событиями, в них описываемыми (явление Божией Матери в Казани произошло 20 июля 1579 г., а князь Димитрий Иванович Углицкий был убит 15 мая 1591 г. и являлся современником чудесного явления). Две следующие службы мученику Андрею Стратилату, по-видимому, также не выбиваются из этого ряда. Первая из них является совершенно обычной и широко распространена в русских рукописях и печатных изданиях с конца XI — начала XII в. (старший список — РГАДА, Син. тип. 125). Вторая же как раз и содержит в надписании стихир и канона имя Пахомия Серба.

Служба мученику Андрею Стратилату никогда ранее не рассматривалась в связи с творчеством иеромонаха Пахомия. Более того, другие списки данного гимнографического сочинения пока обнаружить не удалось. Однако, как известно, наличие имени в заголовке средневекового текста не является доказательством авторства этого человека. Имена вписывались и по ошибке, и для придания тексту большей авторитетности. Поэтому авторство Пахомия Серба в отношении данной Службы еще необходимо подтвердить (или опровергнуть), тем более что рукопись отстоит от времени деятельности книжника приблизительно на 150 лет.

Первый вопрос, который возникает при решении вопроса об атрибуции произведения тому или иному автору, — «зачем?» (создание любого произведения так или иначе мотивировано). Зачем Пахомию Сербу понадобилось составлять службу мученику Андрею Стратилату при наличии другой, уже широко известной на Руси? Могла ли возникнуть такая необходимость, обусловленная внутренней потребностью автора или чьим-то заказом?

Все известные сочинения книжника, авторство которых не оспаривается, посвящены русским святым, и все они написаны по заказу светских и церковных лиц высшего ранга. Мученик Андрей Стратилат не являлся и не является особенно широко почитаемым святым в русском народе (ср.: святитель Николай Мирликийский, пророк Илия и др.). Зато он имел особое почитание в княжеской среде. Это не удивительно, поскольку, помимо решения административных задач, князья отличались и набожностью, и ратными подвигами, что их сближало со святым полководцем. В 1089 г. Всеволод Ярославич построил в Переяславле-Южном церковь во имя мученика Андрея Стратилата. Внук Всеволода, младший сын Владимира Мономаха, родился 11 августа 1102 г. и был наречен в честь этого святого

Андреем (Андрей Добрый). Святой мученик был небесным покровителем Андрея Боголюбского. При нем в селе Сулость близ Ростова Великого стал строиться деревянный храм святого мученика Андрея Стратилата, в котором впоследствии, по некоторым данным, крестили Дмитрия Донского, получившего эти земли в наследство.

Из всех князей, нареченных именем Андрей в честь мученика Андрея Стратилата, в отношении творчества Пахомия Серба могут быть интересны четверо:

1) Андрей, сын Дмитрия Донского — родился 14 августа 1382 г.

2) Андрей «Большой», сын Василия II Темного — родился 13 августа 1446 г.

3) Андрей «Малый» («Молодой»), сын Василия II Темного — родился 8 августа 1452 г.

4) Андрей, сын Ивана III — родился 5 августа 1490 г.

Первый из них получил в наследство от отца земли, на которых располагался Кирилло-Белозерский монастырь. Пахомий Логофет не являлся постоянным насельником обители, однако в 1462–1463 гг. был там для сбора материала к написанию Жития прп. Кирилла Белозерского. Мог он каким-то образом и получить заказ на составление службы мученику Андрею Стратилату. Но вероятность этого мала.

До рождения четвертого из перечисленных Андреев Пахомий Серб, конечно, мог дожить и составить по заказу его отца службу Андрею Стратилату. Тогда можно было бы объяснить отсутствие других, более ранних списков этого произведения тем, что Пахомий был уже совсем в преклонных летах, что успел написать черновик, а отшлифовать текст ему не удалось. Потому Служба и не получила распространения, затерялась, пока не попала на глаза какому-нибудь ценителю сочинений Пахомия или особенному почитателю Андрея Стратилата. Но и такое развитие событий маловероятно, так как последнее известное сочинение Пахомия (Житие архиепископа Моисея) содержит эпизоды, которые исследователями толкуются как «антимосковские»: книжник явно не испытывал симпатии к Ивану III.

А двое сыновей Василия II, напротив, заслуживают в данном отношении наибольшего доверия. Великий князь, как он это делал неоднократно, мог заказать Пахомию Сербу службу — либо для одного из них (любого), либо для обоих. Оба брата родились в то время, когда Пахомий жил и работал в Троице-Сергиевой Лавре, неподалеку от Москвы («троицкий» период жизни Пахомия длился с начала 1440-х гг. (1440/1443) до 1459 г.). Старший из братьев имел прозвище «Горяй» и являлся князем Углицким в период с 1462 по 1492 г. Преставился он 7 ноября 1493 г. А младший был

князем Вологодским с того же 1462 г., что и старший брат, до дня своей кончины 10 июля 1481 г.

Независимо от того, для какого из братьев (или для обоих) могла быть составлена новая служба мученику Андрею Стратилату, с одной стороны, важно, что у Пахомия Сербга мог быть такой заказ от Московского князя и возможность его выполнить, а с другой, с большой долей уверенности можно утверждать, что, по мнению переписчика/составителя рукописи, он появление службы связывал со старшим братом — Углицким князем Андреем Горяем. Как говорилось выше, в Сборнике двум службам мученику Андрею Стратилату предшествуют два текста об убиении кн. Димитрия Углицкого. Следовательно, само появление Сборника может быть связано с угличскими землями.

Но есть еще один исторический факт, примерно совпадающий по времени с созданием данной рукописи, который может иначе объяснить причину появления новой службы и поставить под сомнение дату ее создания и, соответственно, авторство иеромонаха Пахомия.

Известно, что на месте нынешнего Андреевского монастыря в Пленницах² (на юго-западе Москвы) существовала деревянная церковь во имя мученика Андрея Стратилата, построенная «еще в конце XVI в. в благодарность за чудесное избавление столицы от нашествия войск крымского хана Казы-Гирея летом 1591 г. Тогда воины хана расположились станом в с. Воробьеве, русский лагерь был разбит на месте современного Донского монастыря, в лагере находилась Донская икона Божией Матери. 19 августа войска хана внезапно бежали. Поскольку в этот день празднуется память мученика Андрея Стратилата, храм в его имя было решено поставить посередине между русским и татарским лагерями; тогда же было установлено празднование Донской иконе Божией Матери»³. Заметим, что возведение этой деревянной церкви связано с событиями того года (1591), когда был убит кн. Димитрий Углицкий, которому, в свою очередь, посвящены два текста, предшествующих в рукописи службам мученику Андрею Стратилату.

---

² Первоначальный комплекс монастырских строений был возведен в 1648–1654 гг., а сама обитель называлась Преображенской. Нынешнее ее название связано с наименованием храма во имя ап. Андрея (1652 г.). «Иером. Епифаний (Славинецкий) сочинил вирши, в которых назвал монастырь Андреевским: “Во имя же Андреа, Христом первозванного апостола, обитель сия бысть созданна” (автограф Епифания в сб. сочинений Евфимия Чудовского 70-х гг. XVII в. ГИМ. Син. № 369, вклейка к л. 3)» (Румянцева В. С., Даниленко Б., *прот.* Андреевский монастырь в Пленницах // ПЭ. М., 2001. Т. 2. С. 350).

³ Там же.

Таким образом, Служба мученику Андрею Стратилату могла быть составлена и в конце XVI в., через столетие после преставления Пахомия Серба, для освящения нового храма в Пленницах. Однако прямых доказательств этого факта мы не имеем, а значит, и авторство иеромонаха Пахомия пока остается вероятным.

Второй (большой, комплексный) вопрос, возникающий в связи с проблемой атрибуции произведения, надписанного именем иеромонаха Пахомия, — это поиск в данной Службе характерных особенностей его творческого стиля (в широком смысле). На сегодняшний день из явных признаков, свидетельствующих в пользу авторства Пахомия, мы можем назвать наличие в рассматриваемой Службе мученику Андрею Стратилату Жития (синаксаря) по 6-й песни канона.

Также предстоит внимательнейшим образом рассмотреть состав песнопений на предмет цитации и заимствований, которые являются характерной (и оправданной) особенностью гимнографических творений, в том числе и иеромонаха Пахомия. Сопоставление песнопений Службы с другими гимнографическими текстами, посвященными мученику Андрею Стратилату, содержащимися в славяно-русских рукописных источниках, показало, что именно надписанные в Колоб. 489 именем Пахомия Серба стихиры на «Господи, воззвах» и тропари канона не встречаются в других рукописях, тогда как остальные песнопения имеют ряд списков.

Таковы наши предварительные соображения относительно Службы мученику Андрею Стратилату, содержащейся в Сборнике № 489 из собрания Н. Я. Колобова.

Е. А. Ляховицкий, М. А. Шибяев (Санкт-Петербург, Россия)

КОДИКОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОФИЙСКОГО КОМПЛЕКТА ВЕЛИКИХ МИНЕЙ ЧЕТЬИХ СВЯТИТЕЛЯ МАКАРИЯ

Одним из наиболее масштабных «мероприятий» в русской книжности первой половины XVI в. было создание Великих Миней Четых. Его инициатором и вдохновителем являлся выходец из Пафнутиева Боровского монастыря святитель Макарий, который в 1526 г. стал Новгородским архиепископом, а в 1542 г. — митрополитом Московским. Именно в этот период (1526–1542) и протекает составление первого варианта ВМЧ — так называемого Софийского комплекта.

Кодикологическое исследование показывает, что Софийский комплект ВМЧ не был продуктом централизованного производства в условиях книгописной мастерской. Об этом говорят следующие обстоятельства:

1) Очень большое количество привлеченных писцов (более 40 человек).

2) Отсутствие какого-либо стремления выдержать единство в графике письма и оформлении текста (кроме общей для всего комплекта, за единственным исключением, двухстолбцовой разлиновки).

3) Имеются только единичные случаи, когда в рамках одного бумажного блока наблюдается работа двух или более писцов.

Вместе с тем необходимо отметить, что характер корреляции разновидностей бумаги и манер письма говорит о централизованном снабжении писцов бумагой. За редкими исключениями, не наблюдается прямого соответствия между какой-либо разновидностью использованной бумаги и одной конкретной манерой письма. Кроме того, работа писцов явно координировалась редакторами. Таким образом, можно говорить о том, что Софийский комплект ВМЧ является результатом специфического типа организации книгописной работы, который можно условно назвать «распределенным скрипториум».

Е. Остапчук (Варшава, Польша)

РУКОПИСИ ЯБЛОЧИНСКОГО СВЯТО-ОНУФРИЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Монастырь святого Онуфрия в деревне Яблечна на берегу реки Буг — одна из древнейших православных монастырских общин в пределах современной Польши, в ее восточной части. В отличие от Супрасльской обители, книжное собрание которой и связи с другими книжными центрами славянской письменности (по крайней мере древнейшего периода) довольно хорошо изучены, научных изысканий по истории библиотеки Яблочинского монастыря очень немного. Наше исследование посвящено сохранившимся до сего дня сведениям, касающимся рукописей, некогда принадлежавших Яблочинской Свято-Онуфриевской обители.

Основание монастыря в деревне Яблечна по преданию связано с явлением иконы преподобного Онуфрия, приплывшей на место возведения обители по реке Буг. Это событие датируется концом XV столетия. Иноческая жизнь православных насельников не прекратилась здесь и с началом Брестской унии, и даже во время активной ее пропаганды. Обитель всегда

оставалась православной, что часто в условиях униатской политики негативно отражалось на ее существовании и имуществе, в том числе сказалось и на том небольшом числе рукописей, которые в ней хранились. Часть документов и книг была похищена (при нападении в 1753 г.), часть передана в Музей Холмского Свято-Богородичного братства (в 1897 г.), часть вывезена (в 1915 г.). Решительное влияние на сохранность рукописного собрания обители имели военные действия 1942 г.: сгорели все монастырские здания и библиотека. Так с течением времени погибли документы, рукописи и старопечатные книги.

В основанном в конце XV в. Яблочинском Свято-Онуфриевском монастыре находилось несколько кириллических рукописей, среди которых можно назвать прежде всего Евангелие и Устав. Датировку первого монастырского Евангелия (1498 г.) обычно связывают со временем создания самой обители. А второй кодекс известен по находящейся в нем исторической записи, указывающей на дарование этого писанного в 1488 г. Устава монастырю брестскими мещанами в 1527 г. Кроме указанных двух кодексов, в обители хранились и другие рукописные книги. Однако среди современных им памятников известен только Канонник (кон. XV — нач. XVI в.) — остальные рукописи датированы более поздним временем.

История и состав книжного собрания Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря ждет своего тщательного исследования.

Ф. В. Панченко (Санкт-Петербург, Россия)

ИСТОКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СВОЕОБРАЗИЯ СУПРАСЛЬСКОГО СБОРНИКА МАТФЕЯ ДЕСЯТОГО

Супрасльский сборник 1507 г. Матфея Десятого (БАН, собр. И. И. Срезневского, 24.4.28) представляет собой ранний, наряду с Геннадиевской Библией, оригинальный свод переводов библейских книг и принадлежит к числу выдающихся памятников русского искусства каллиграфии и книжного оформления. Сборник характеризуется изысканным полууставным и лигатурным письмом с использованием различных графических и цветовых приемов в написании текстов и заголовков. В художественном убранстве рукописи преобладает неовизантийский стиль, однако значительная часть орнаментальных форм имеет разнообразные стилевые истоки, свидетельствующие о большой эрудиции и богатстве художественных впечатлений мастера.

На орнаментуку Супрасльскаго сборника оказали влияние рукописи новгородскаго и московскаго письма. Так, три красочных инициала («В» в форме дракона и инициалы «Р» с человеческими ликами) повторяют инициалы Остромирова евангелия, а в целом ряде зооморфных полихромных инициалов (инициалы с изображением зайца и птиц) очевидна связь с московскими роскошными Евангелиями последней четверти XIV — начала XV в., особенно с Андрониковым евангелием. Восприятие мастером подобных художественных элементов шло, по всей видимости, через посредство московских рукописей 80–90-х гг. XV в., таких как Псалтирь из собрания И. М. Фадеева, № 1 (РГБ, ф. 312). Общие черты в оформлении Супрасльскаго сборника имеются с комплексом других каллиграфических рукописей этого периода, связанных с деятельностью московскаго книгописнаго центра, возглавляемаго Михаилом Медоварцевым, например, со Сборником Слов Григория Богослова Д. М. Пожарскаго (РГБ, ф. 304.1, ТСЛ, № 137).

Не исключено, что Матфей Десятый был связан с кругом новгородских книжников, участвовавших в создании Геннадиевской Библии. Во внешнем облике рукописей можно наблюдать общие черты: расположение текстов на листе, написание инициалов слева от колонки текста, обилие маргиналий на полях, а также выполненные в близкой стилистике начальные орнаментальные заставки неовизантийскаго стиля в Геннадиевской Библии и в Псалтири Супрасльскаго сборника.

Предваряющая Псалтирь полихромная миниатюра со сложной трехъярусной композицией обнаруживает иконографическiе связи с некоторыми памятниками славянскаго изобразительнаго искусства: с балканскими фресками XIV в. (часовня Преображения Господня в Хрельовой башне Рильскаго монастыря и церковь Лесновскаго монастыря в Македонии), с сербскими и русскими лицевыми Псалтирями XV в. (РНБ, F.I.738) и др.

В контурах многих инициалов и заставок, украшающих рукопись, очевидны латинские источники. Имеются прямые заимствования русским писцом типичных форм западных инициалов и полевых украшений (например, инициал, написанный золотом по синему фону с разделкой белыми, заключенный в прямоугольник, от котораго вверх и вниз с левой стороны идут орнаментальные отростки в виде широколистных трав или вьющиеся зеленые стебли с листьями, цветами и бутонами, выполняющие функцию заставок). Однако западноевропейские мотивы оказываются по преимуществу тщательно переосмысленными и переработанными. Основная часть инициалов сборника представляет собой оригинальные композиции, синтезирующие византийские, неовизантийские, неоготические и ренессансные элементы декора.

Свойственная оформлению Супрасльского сборника эклектичность воспринимается как единое художественное целое, что обусловлено ярко выраженной индивидуальной манерой исполнения орнаментальных украшений, свидетельствующей о работе одного декоратора. Созданный в Великом княжестве Литовском, где значительное влияние на художественные вкусы местной Православной Церкви оказывало искусство католического Запада, Супрасльский сборник, тем не менее, остается памятником русской книжности.

В. Г. Подковырова (Санкт-Петербург, Россия)

РАННИЕ РУССКИЕ ЛИЦЕВЫЕ АПОКАЛИПСИСЫ В МОНАСТЫРСКИХ БИБЛИОТЕКАХ: К ВОПРОСУ О НАЧАЛЬНОЙ ИКОНОГРАФИИ

Начало процесса формирования в середине XVI в. — первой четверти XVII в. развернутых циклов миниатюр к новозаветному Апокалипсису нужно, вероятно, рассматривать в связи с церковно-просветительской унификационной деятельностью митрополита Макария. Стенописи и икона «Апокалипсис» из кремлевских великокняжеских соборов (памятники XV в.) могут быть обозначены как начальный, «светский» период бытования системы изображений Новозаветного Откровения, тогда как полтора десятка лицевых рукописей с апокалиптическими миниатюрами последующего периода в значительной части связаны именно с монастырскими скрипториями. Апокалипсис из Егоровского сборника РГБ, Егор. 1844 60–80-х гг. XVI в. имеет запись о принадлежности Чудову монастырю (Чудовская разновидность Филарето-Чудовской редакции). Другая рукопись конца XVI в., РНБ, Солов. 58/58, была вложена Филаретом «иконником» в библиотеку Соловецкого монастыря (филаретовская разновидность Филарето-Чудовской редакции). Апокалипсис начала XVII в. РНБ, Солов. Анз. 1/1369 с миниатюрами конца XVI в. в середине XVII в. копировался в Паисиевом Успенском (ранее Николаевском) монастыре Галича Костромского, он же в 1676 г. числится уже в Описи Анзерского скита Соловецкого монастыря под номером 1. Еще в одной рукописи начала XVIII в., возможно, написанной и проиллюстрированной в том же монастыре, — РНБ, Солов. 62/62 — одна часть миниатюр представляет собой копии изображений Филаретовской подредакции, изготовленные способом отлипа, а другая — составлена на основе той же подредакции с вставкой отдельных элементов

изображений из Библии Мериана-Схюта. В 20-е гг. XVII в. был составлен еще один цикл миниатюр к Апокалипсису — РГБ, ф. 173.1, МДА фонд. 16, вложенный сразу после создания в библиотеку Троице-Сергиевой Лавры. Иконография содержащегося в рукописи цикла миниатюр очень близка композиционно, но отличается иконографически от Филарето-Чудовской редакции. С этого списка в 30-х гг. XVII в. в самом Троице-Сергиевом монастыре был создан список ГИМ, Муз. 3445. Этот же вариант цикла миниатюр представлен в рукописи рубежа первой-второй четвертей XVII в. из собрания Рогожского кладбища (РГБ, ф. 247, Рогож. 2).

Важной особенностью всех названных списков лицевых Апокалипсисов является то, что они, начиная с конца XVI в., копировались и почти тиражировались способом «отлипа» или «плоской печати». Черты сохранившейся в них ранней иконографии связаны с иконой «Апокалипсис» из Благовещенского собора Московского Кремля. Сравнение отдельных изобразительных сюжетов, проведенное на материале списков обозначенного периода, позволяет увидеть взаимосвязь рукописей в группах и проследить этапы изменений композиции и содержательных элементов миниатюр.

Л. Пузович (Белград, Сербия)

ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ РУКОПИСНОГО СОБРАНИЯ МОНАСТЫРЯ ДЕВИЧ

Монастырь Девич был основан в 1434 г. в Дренице, древней сербской области на границе между Косово и Метохией, на месте, где подвизался, преставился и был погребен преподобный Иоанникий Девичский. Знаменитый святой родился в этом крае во второй половине XIV в. Сначала монах Иоанникий подвизался в пещере возле реки Црна-Река, где при нем возник одноименный монастырь. Но мирская слава тяготила его и, скрываясь от людских похвал, подвижник перешел в Девичский лес. Здесь под покровительством деспота Гюрга Бранковича он возвел первую монастырскую церковь, посвященную Введению во храм Пресвятой Богородицы, вокруг которой постепенно образовалась монашеская община — монастырь Девич.

Несомненно, что практически одновременно с появлением обители сформировалось и ее книжное собрание. В библиотеке монастыря, по свидетельствам XX в., находились рукописи, созданные до строительства обители, так что они могли быть частью ее первоначального книжного

фонда. Сохранившиеся на кодексах записи (XVI–XIX вв.) свидетельствуют о деятельности монахов по переписыванию книг и одновременно о большом почитании монастыря местным православным населением. Самые ранние историографические сведения о книжном фонде обители датируются второй половиной XIX в., когда Девич посетили исследователи и любители древностей. Свидетельства об объеме и составе девичьего рукописного собрания довольно противоречивы. Поэтому мы попытались определить, какие книги несомненно принадлежали библиотеке обители, уделяя особое внимание тем, которые создавались в самом монастыре.

Хотя это собрание рукописных книг на протяжении веков хранилось в очень плохих условиях, оно просуществовало до XX в. Погибло оно во время Второй мировой войны. Одна его часть, которая для большей безопасности находилась в Национальной библиотеке Сербии, но не включалась в ее книжный фонд, была уничтожена при бомбардировке Белграда в апреле 1941 г. Другая, хранившаяся в самой обители, вместе с церковью и другими монастырскими строениями была сожжена в том же году албанскими фашистами. Из старого фонда, по актуальным данным, сохранились только четыре рукописи, которые еще до 1941 г. были увезены из Девича, а именно: Молебник XV в. из собрания Радослава Груича (МСПЦ, Грујић 3-I-3), Слова Ефрема Сирина XV в. (Пећ 91), Богородичник XVI/XVII в. (САНУ 66) и Служба святому Иоанникию с его Житием XVIII в. (САНУ 71).

В настоящее время в обители рукописных книг нет. В отличие от своего книжного фонда, монастырь сохранился до наших дней, хотя претерпел два разрушения в XX в., в Первую и Вторую мировые войны, и еще одно в начале XXI в., в марте 2004 г.

Н. В. Рамазанова (Санкт-Петербург, Россия)

СЕРБСКИЕ СЯТТЕЛИ САВА И АРСЕНИЙ В РУССКИХ ПЕВЧЕСКИХ РУКОПИСЯХ

В Русском государстве наиболее почитаемыми сербскими святителями с XV в. были святой Савва и святой Арсений. С одной стороны, это обусловлено их авторитетом, сформировавшимся еще в Сербии. С другой — тексты житий и служб этим святым были хорошо известны в России. Здесь они распространялись в большом количестве списков. Кроме того, с середины XVI в. службы начинают записываться в нотированных рукописях, что является признаком общецерковного почитания обоих

святителей (службы местночтимым святым в нотированные рукописи не включались).

В этой связи возникает вопрос о церковной канонизации святых Саввы и Арсения. В Сербии официальная канонизация архиепископа Саввы состоялась только в 1775 г., хотя его почитание началось вскоре после смерти святого (†1236). Что же касается святителя Арсения, то об акте его канонизации в Сербии ничего не известно. Показателем его почитания является широкое распространение Жития и Службы. В России же имя святого Саввы в числе «новых чудотворцев», признанных церковным Собором 1549 г., отсутствует. Канонизационный акт на Соборе коснулся только его ученика и преемника — Арсения. Столь почитаемый святой, каким являлся Савва, едва ли нуждался в особой канонизации. Подвижническая жизнь, статус иерарха автокефальной Православной Церкви, а также происхождение из династии сербских правителей было важно и для России в целом, и для первого русского царя Ивана IV (его бабушка по материнской линии Анна Якич происходила из знатного сербского рода). Все это свидетельствует о высоком уровне авторитета святого, канонизация которого скорее снизила бы, а не повысила его престиж. Перефразируя слова Е. Е. Голубинского, высказанные им по отношению к преподобному Сергию Радонежскому, можно отметить, что Савва Сербский «сделался общерусским святым сам собой, по причине своей великой славы».

Различия в отношении к двум сербским святителям отразились и в службах этим чудотворцам. По своему составу они относятся к разным типам богослужения. Служба в честь святого Саввы, созданная Феодосием Хиландарцем и распространившаяся в сербских и русских минеях, соответствует более торжественному типу, включающему всенощное бдение (т. н. бденный тип). Служба же святому Арсению первоначально относилась к типу служб славословных. Именно в таком виде она существует как в сербских, так и во множестве русских источников. Это свидетельствует о том, что празднование памяти святого Арсения было менее торжественным, нежели празднество в честь святителя Саввы. Кроме того, в русской литургической практике совершение службы Арсению не являлось обязательным. В ремарках, имеющих в целом ряде русских миней, указано: «служба его (Арьсения, епископа Сербьскаго) поется, коли разсудить предстатель». При этом в целом ряде миней сами песнопения не записываются. Новый ее состав появляется и распространяется в русских рукописях с 80-х гг. XVI в. В этих источниках празднование памяти сербского святителя является уже «бденным». Несмотря на это, службы сербским святителям не становятся равнозначными. Служба святому Савве изначально была дополнена микроциклом, поющим во время целования иконы праздника и елеопомазания. Стихиры на целование — явление достаточно редкое.

Их нет не только в Службе святому Арсению, но и в значительной части служб другим святым. Наличие этих стихир в Службе святому Савве (а они записываются в русских минеях уже в XV столетии) подчеркивает особую значимость празднования памяти этого сербского святителя.

Вторым признаком, не позволяющим поставить службы на один уровень, является тот факт, что к концу XVI в., несмотря на то, что Служба Арсению полностью сформировалась в соответствии с разрядом бденных праздников, богослужение в день его памяти по-прежнему не являлось обязательным. В источниках даются указания: «Служба святого Арсения поется, егда расзудит еписарх». А если уставщик «разсуждал» в пользу совершения службы, необязательным являлось совершение всеобщего бдения. Таким образом, несмотря на изменение типа богослужения, Служба Арсению Сербскому по-прежнему носила второстепенный характер, по сравнению со Службой святому Савве.

В нотированных рукописях, свидетельствующих об общецерковном почитании святых, службы двум сербским святителям начинают записываться в середине XVI в. Одна из наиболее ранних попыток записать песнопения Службы Савве Сербскому отражена в Стихираре «Дьячье око» Троице-Сергиевой Лавры «крылошанина» Иева Лупанды (РГБ, ф. 304.1, ТСЛ, № 414), датирующемся не позднее 1563 г. Здесь под датой 14 января по старому стилю записаны полностью нотированная стихира по 50-м псалме и богородичен. Остальные песнопения представлены в виде инципитов. В конце рукописи среди песнопений разным святым находятся полные тексты пятнадцати песнопений (славники и ряд стихир, в число которых вошли стихиры и славник с подзаголовком «над маслом»). Однако место, оставленное для нотации, заполнено не было. В более поздних стихирах количество нотированных песнопений святителю Савве существенно различается (от двух до тридцати четырех).

Что же касается песнопений святителю Арсению, то в знаменных стихирах, до появления эталонных, записывались только два славника вечерни. Лишь с 1580-х гг. в наиболее полных стихирах общий состав песнопений службы достигает тридцати.

Еще одно различие между службами — их состав. В Службе Савве Сербскому на всем протяжении ее существования в России он практически неизменен. Что же касается Службы Арсению, то при ее переходе к новому (бденному) типу богослужения было необходимо дополнить текст стихирами малой вечерни и литии. Как выяснилось, эту работу на себя взяли несколько составителей. Существует три версии гимнографических текстов этих разделов Службы. Ни одна из них не была создана специально в честь святого Арсения. Две стихиры первой версии были заимствованы из Службы Парфению Лампсакийскому, вследствие чего в песнопении

малой вечерни появилась формулировка «Девству тезоименит еси», не соответствующая имени Арсения. Его имя в переводе с греческого означает «мужчина», «мужественный», а слова «девственный», «целомудренный» соответствуют имени Парфений. Третья же стихира взята из Службы священномученику Власию, епископу Севастийскому.

Стихиры второй версии привлечены в Службу святому Арсению из Службы святителю Стефану Пермскому (составитель Пахомий Серб). В результате этого Арсений Сербский становится борцом с язычеством, чего в его Житии нет. Славник же малой вечерни заимствуется из Службы святителю Николаю Мирликийскому. Оттуда же взят и славник на литии «Благий рабе». Третья версия основывается на заимствовании песнопений из Службы Савве Сербскому.

Итак, несмотря на то, что обе службы появляются в русских рукописях почти одновременно, отношение к персонам, воспеваемым в них, существенно различается. Савва сразу приобретает статус великого святого, не нуждающегося в канонизации. Служба ему совершается со всеошным бдением, что отражено в церковных уставах. Состав службы, воспринятой из Сербии, остается неизменным, включая стихиры на целовании. В стихирах до формирования эталонных рукописей записывается разное количество песнопений. Арсений канонизируется на Соборе 1549 г. Служба ему относится к числу славословных праздников, и не обязательна в богослужении. Зависимость от воли уставщика и настоятеля сохраняется и после перехода службы на более высокую ступень. В новом качестве она существует в нескольких версиях, основанных на заимствовании песнопений их разных служб, подчас противоречащих тексту Жития.

Э. С. Смирнова (Москва, Россия)

РЯЗАНСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ КОНЦА XV — НАЧАЛА XVI ВЕКА ИЗ НИКОЛЬСКОГО ВОЛОСОВСКОГО МОНАСТЫРЯ И ПРОБЛЕМА КОПИРОВАНИЯ РУССКОГО ТЕРАТОЛОГИЧЕСКОГО ОРНАМЕНТА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIV ВЕКА

Основная проблема, связанная с Рязанским Евангелием, — своеобразие книжного искусства западнорусских областей в период около 1500 г., сохранение традиций тератологического орнамента и его необычная трактовка.

Рукопись правильнее называть Евангелием епископа Ионы, поскольку этот рязанский епископ, вложивший рассматриваемый кодекс неизвестного происхождения в Никольский Волосов монастырь близ Владимира в 1544 г., оказался единственным историческим персонажем, который известен в связи с данной рукописью. В 1843 г. обитель была приписана к Боголюбовскому монастырю, куда, вместе с другим имуществом, попало и это Евангелие. В 1922 г. оно поступило в музей (ныне Владимиро-Суздальский музей-заповедник), где хранится под инв. № В-1782.

Краткая заметка о рукописи появилась в 1865 г., причем Евангелие неверно было сочтено рязанским и датировано годом вклада (1544)¹. В 1887 г. В. В. Стасов включил снимки с некоторых инициалов в свой альбом, трактовал кодекс как пример рязанской книжности². Недавно рукопись стала предметом исследования Д. В. Губина, специально занимавшегося книжной культурой Рязани. Он (едва ли не первый среди историков русской книжности после Стасова) познакомился с Евангелием *de visu*, сосредоточив внимание на орнаментальном убранстве кодекса, который он рассматривал как своеобразный памятник рязанской культуры³. Исследователь обнаружил единственную филигрань бумаги (л. 9), которая в альбоме Ш. Брикe зафиксирована под 1492 и 1522–1531 гг.

Новое знакомство с рукописью, осуществленное автором настоящей заметки (*de visu*) и А. А. Туриловым (по детальным фотографиям) благодаря содействию дирекции музея-заповедника и помощи хранителя М. Ю. Глазкова, в сентябре 2014 г., позволило расширить представление о памятнике. На основании ряда палеографических признаков, в том числе и по характеру вязи, Евангелие Ионы определено А. А. Туриловым как созданное не в «великорусской» среде, а в каком-либо западнорусском центре. На это же указывает и художественное оформление книги, хотя в отдельных его элементах специфика проявляется по-разному. По мнению А. А. Турилова, Евангелие создано, скорее, в начале XVI в. Художественные особенности допускают датировку временем около 1500 г.

Евангелие тетр оказалось лицевым; сохранились три из четырех миниатюр (лист с изображением Луки вырезан). Несмотря на срезанность корешков всех тетрадей, характер бумаги позволяет считать, что миниатюры

---

¹ Древности. Труды Московского Археологического общества. М., 1865. Т. 1, вып. 1. С. 104.

² Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1887. Табл. LXXXV–LXXXVI.

³ Губин Д. В. Поздние образцы чудовищного (тератологического) орнамента в рязанских рукописях XV–XVI вв. // Битва на Воже — предтеча возрождения средневековой Руси. Рязань: Поверенный, 2004. С. 187–188, рис. 1–4.

изначально присутствовали в кодексе. Два евангелиста — Марк и Иоанн Богослов (л. 94 об. и 234 об.) — по традиции изображены обращенными вправо, к шелковой завесе, под которой находится лист с начальным текстом соответствующего Евангелия, а Матфей (л. 9 об.) обращен влево, в обратную сторону от завесы и текста. Такого рода изображения евангелистов, где двое обращены к корешку книги и листу с текстом, а двое других — в обратную сторону, известны на русских Царских вратах и изредка встречаются в миниатюрах Евангелий (ср. новгородское Евангелие апракос ГИМ, Хлуд. 30, 30–40-х гг. XIV в.).

Миниатюры исполнены двумя (?) разными мастерами. Первый, написавший миниатюру с Матфеем, близок по своей «классицистической» манере к той разновидности искусства Москвы конца XV в., к которой принадлежат московские художники, исполнившие значительную часть икон из иконостаса Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря около 1497 г. Если тот же мастер написал и миниатюру с Иоанном Богословом и Прохором, то его почерк сильно изменился: лик Иоанна (особенно лоб) он сделал чрезмерно выпуклым, а в его фигуре стремился передать объемность, скульптурность, словно пытаясь имитировать западноевропейскую живопись своего времени. Второй мастер, написавший изображение Марка, работал скорее в провинциальной манере, обобщая силуэт и выявляя контуры форм. Нимб Марка он украсил тонким травным узором.

Своеобразие художественного оформления Евангелия Ионы с меньшей силой проявляется в трактовке орнамента. Четыре заставки (перед каждым из Евангелий — л. 11, 96, 149, 236) основаны на тератологическом орнаменте, который после середины XV в. постепенно исчезает из русского книжного декора. Он не используется даже в Новгороде, долго державшемся за этот вариант орнаментации⁴. Впрочем, в провинции, и в частности в Рязани, он еще встречается, но в традиционной и несколько вялой форме, как, например, в Псалтири с воследованием рубежа XV–XVI вв. (Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, инв. 5653, л. 79)⁵. Между тем, композиции заставок в Евангелии Ионы совсем другие — разреженные, с большими участками открытых и ярких цветных фонов, рисунок сильно геометризован, в фигурах чудовищ смягчилось напряжение, пальметты по углам и над центром заставок получили плавные очертания,

---

⁴ Последние по времени примеры такого орнамента в Новгороде см. в кн.: *Смирнова Э. С.* Искусство книги в Средневековой Руси. Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV век. М.: Северный паломник, 2011. С. 70–80.

⁵ *Губин Д. В.* Поздние образцы чудовищного (тератологического) орнамента... С. 188–189; рис. 5.

что в целом указывает на большие стилистические изменения в декоре рукописи по сравнению с классической тератологией.

Среди инициалов встречаются композиции, в которых переплетающиеся ленты ломаются под прямым углом, несколько напоминая меандр (л. 66 об., 188), что характерно для готического европейского орнамента, но встречается и в поствизантийском книжном декоре.

Многие инициалы, в целом основанные на тератологическом орнаменте, представляют собой сценки с человеческими фигурами, причем целый ряд из них повторяет те сюжеты, которые использованы в смоленской Псалтири начала XIV в. РНБ, Ф.п.1.2. (По мнению А. А. Турилова, рукопись можно считать смоленской на основании факта ее принадлежности смоленскому княжескому роду: в 1431 г., согласно записи на кодексе, смоленская княгиня Ульяна, в иночестве Елена, дала ее вкладом в церковь Архангела Михаила в Смоленске⁶.) Эти совпадения: 1) «М» (л. 275 об. в Смоленской Псалтири, л. 171 об. в Евангелии Ионы) в виде фигур двух рыбаков с сетью; 2) «Б» в виде человека, сидящего в плетении, как бы освобождаясь из него; в каждой рукописи по две таких композиции (л. 102 об. и 140 об., л. 185 об. и 241); 3) «Н» и «И» в виде человека в рост и зверя — возможно, сцены борьбы со зверем (л. 148 об., л. 170); 4) два человека рядом, с поднятыми руками, образующие в одном случае букву «П», а в другом — букву «Н» (л. 189, л. 266); 5) всадник верхом на льве (л. 8, л. 79 об.). Названные сюжеты в русских рукописях XIV в. встречаются именно в Смоленской Псалтири. Это подсказывает, что Евангелие Ионы и Смоленская Псалтирь как-то связаны, они восходят к единой книжной культуре, хотя и на разных этапах ее развития.

Встречаются и такие сюжеты, которые в свое время не попали в Смоленскую Псалтирь, однако использованы в новгородском Евангелии 1323 г. ГИМ, Хлуд. 29, где орнаментация инициалов по своей схематичности выглядит вторичной по отношению к Смоленской Псалтири, как бы копией с какого-то несохранившегося оригинала. Это: 1) изображение евангелиста или просто писца, сидящего за столом, где совпадают позы и многие детали (л. 43 об., л. 237), хотя изображение в новгородском Евангелии выглядит упрощенным; 2) изображение борьбы человека и змеи: человек вроде бы сидит на змее, оплетенный ею, она кусает его за колено, а он пытается резать ее ножом (л. 38 об., л. 89).

Орнамент Евангелия Ионы содержит и свидетельство связи с миром западноевропейской книжности: инициал «С» (л. 191 об.) в виде жонглера — человека, который держит шарик в поднятых руках, т. е. наподобие

---

⁶ Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей [Государственной Публичной библиотеки]. Л., 1953. С. 51.

одной из цирковых сцен с жонглером, известных в западноевропейских рукописях⁷. В другом случае в Евангелии Ионы человек в букве «Ч» держит книги (л. 199), в третьем — птиц (л. 211 об.).

Особенности миниатюр, заставок и инициалов Евангелия епископа Ионы заставляют предположить, что оно представляет собой рукопись западнорусскую. Совпадение ряда мотивов с Псалтирью РНБ, Ф.п.1.2, которую мы предположительно считаем смоленской, позволяет высказать гипотезу, что и Евангелие Ионы создано в Смоленске. Следует вспомнить тесные культурные связи между Москвой и Смоленском на протяжении XV в., проявившиеся, среди прочего, в принесении в Москву еще в 1404 г. Смоленской иконы Богоматери «Одигитрия», которая в 1456 г. была отправлена обратно в Смоленск. В Москву, в сопровождении наместника города и многих знатных граждан, прибыл за иконой епископ смоленский Мисаил. Копия с этой иконы стала главным образом собора Смоленской иконы Божией Матери в Новодевичьем монастыре, основанном в 1525 г.

Если предположить, что Евангелие епископа Ионы исполнено в Смоленске, то можно будет объяснить особенности его художественного оформления: своеобразное сочетание русской традиции с элементами западноевропейского искусства. Так, попытку передачи объема в изображении евангелиста Иоанна можно было бы объяснить наличием у мастера не только русских или византийских, но и западноевропейских образцов живописи. Получают объяснение и западноевропейские мотивы в орнаментике, и соответствие некоторых композиций в инициалах мотивам Смоленской Псалтири начала XIV в., поскольку в Смоленске мог сохраняться определенный местный набор орнаментальных сюжетов.

Обратим внимание и на то, что Марк в соответствующей миниатюре Евангелия Ионы назван «Явангелист», что можно принять за белорусское («западнорусское») «яканье».

Искусство западнорусских земель было неоднородным, вариативным, опиралось на разные традиции. Польский исследователь Е. Остапчук указал на погибшее Евангелие 1498 г. из Яблочинского Спасо-Онуфриевского монастыря, с известным по репродукции скромным балканским орнаментом и поэтичными миниатюрами⁸. Совсем иной облик имеют рукописи, созданные около середины XVI в. не так далеко от Смоленска, на Волыни, — так называемое Евангелие Андрейчины (НГОМЗ, КП 2192/КР-1),

---

⁷ Даркевич В. П. Светская праздничная жизнь Средневековья. 2-е изд. М., 2006. Табл. 17-3.

⁸ Остапчук Е. Рукописи Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря. Доклад на междунар. науч. конф. «Святые подвижники — основатели монастырей и книжные собрания этих обителей» (РНБ, 28 октября 2014 г.).

не сохранившийся Загородский Апостол 1554 г., Пересопницкое Евангелие 1556–1561 гг. (Институт рукописей Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского, инв. 15512)⁹. Для этих рукописей характерны роскошный растительный орнамент с позднеготическими и поствизантийскими приемами и западноевропейские элементы в художественном решении миниатюр¹⁰. Декор Евангелия Ионы несет в себе совсем иные традиции: в миниатюрах — восходящие к XV в. промосковские, хотя и с «западными» отступлениями, а в орнаменте — изысканно трактованные мотивы русской тератологии XIV в.

Епископ Иона являлся видным деятелем Русской Церкви¹¹. В молодости он был как-то связан с Никольским Волосовым монастырем, находившимся близ Владимира¹² (куда впоследствии, в 1544 г., он вложил интересующую нас рукопись). В 1517–1519 гг. там по заказу Ионы проводилось каменное строительство¹³. С 1517 до 1522 г. Иона был архимандритом Юрьева монастыря в Новгороде¹⁴. Затем он принял кафедру епископа Рязанского, которую занимал с 1522 г. до своей кончины в 1547 г.

Отметим, что в XVI в. на Руси известен и другой случай, когда западнорусская богато декорированная рукопись оказалась во владении русского иерарха и была дана вкладом в храм. Это уже упомянутое Евангелие Андрейчины, которое неведомыми путями попало в Великий Новгород и в 1575 г. было вложено новгородским архиепископом Леонидом в Со-

---

⁹ *Запаско Я. П.* Пам'ятки книжкового мистецтва. Українська рукописна книга. Львів, 1995. Кат. 86–88; с. 346–363; *Пуцко В.* Ілюстрування рукописної книги // Історія українського мистецтва: у п'яти томах / гл. ред. Г. Скрипник. Київ, 2010. Т. 2: Мистецтво середніх віків. С. 972–974.

¹⁰ В западнорусских (украинских) рукописях позднего XVI в. известен и тератологический орнамент: ср. Евангелие конца XVI в. из Стрия, Львовская национальная библиотека, инв. П. 26. См.: *Логвин Г. Н.* 3 глибин. Давня книжкова мініатюра XI–XVIII століть. Київ: Дніпро, 1974. Табл. L; *Запаско Я. П.* Пам'ятки книжкового мистецтва... Кат. 94; с. 375.

¹¹ См. сведения в статье: *Губин Д. В.* Поздние образцы чудовищного (тератологического) орнамента... С. 187, примеч. 21.

¹² *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1890. Т. I. № 128, с. 119.

¹³ Об этом свидетельствует запись на Минее служебной на октябрь конца XV — начала XVI в. ГИМ, Син. 498. См.: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1917. Отд. 3, ч. 2. С. 97, № 447.

¹⁴ *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Стб. 414; *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1972. С. 285.

фийский собор¹⁵. Не исключено, что такие манускрипты с неординарным оформлением воспринимались вкладчиками не только как священные книги, но и как своеобразные артефакты.

Т. Суботин-Голубович (Белград, Сербия)

КНИЖНЫЕ СОБРАНИЯ СЕРБСКИХ МОНАСТЫРЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

Битва на Косовом поле (в 1389 г.) сыграла решающую роль в дальнейшей судьбе сербского народа. К этому времени не было больше династии Неманичей, чей последний отпрыск, царь Стефан Урош V (сын царя Душана) умер бездетным в 1371 г. Хотя распад когда-то единого и могущественного государства начался еще при его жизни, окончательно оно распалось на целый ряд самостоятельных областей, которыми правили бывшие царские вельможи, после 1371 г. (когда произошло первое большое сражение с турками). Особое место среди них занимал князь Лазарь, предъявивший свои права на правление сербскими землями, опираясь на родственные связи с Неманичами (его жена Милица была прямым потомком основателя династии — Немани — от его самого старшего сына Вукана). После трагической гибели князя Лазаря в 1389 г., за малолетством детей, территориями, унаследованными от мужа, правила княгиня Милица. В 1402 г. Стефан, старший сын и официальный наследник князя Лазаря, получил в Цареграде титул деспота, отчего и земли, которыми он правил, стали называться *деспотовиной* («Српска деспотовина»). Столицей деспотовины временно стал город Белград, который Стефан получил от венгров, присягнув на верность их королю. Но после его смерти в 1427 г. город снова отошел к прежним владельцам — венграм. Стефан, не имея детей, выбрал наследником своего племянника Гюрга Бранковича (1427–1456). Гюрг построил новую столицу — город Смедерево на Дунае. Смедерево сдалось туркам 20 июня 1459 г., чем и закончилось существование самостоятельного сербского государства. О второй половине XV в. можно говорить как о времени большого упадка, о времени, когда тихо распадалась церковная организация и угасали книжные центры, действующие в стенах монастырей. Нелегкая судьба выпала на долю Сербской Церкви. Парал-

---

¹⁵ *Дмитриев Ю. Н.* Одна из лицевых рукописей Новгорода // Из истории русского и западноевропейского искусства. Материалы и исследования. М., 1960. С. 61–80.

тельно с турецким продвижением на север, к Дунаю, Церковь теряла свои епархии. Последний Сербский патриарх Арсений II жил в Смедерево, так как оба старых патриарших стола (Жича и Печ) находились к тому времени уже в турецких руках. В сохранившихся источниках Арсений в последний раз упоминается в 1463 г., и принято считать, что он в это время и умер. Новый патриарх не выбирался, да и некому было его выбирать. Именно тот факт, что не существует никакого официального турецкого документа, из которого можно было бы узнать, какова была дальнейшая судьба Сербской Церкви, и способствовал появлению различных точек зрения. Так, по мнению архим. Илариона (Руварца), Н. Дучича, К. Иречека и Р. Груича, Сербская Церковь была подчинена Охриду; Б. Джурджев, наоборот, считал, что только южные епархии подчинились Охриду, а северным, в том числе и Белградской митрополии, удалось сохранить самостоятельность. Павел, митрополит Смедерева, предпринял (в 30-е гг. XVI в.) первую (неудавшуюся) попытку возобновить Патриархию.

Достоверных сербских источников по истории этого времени не сохранилось, но в ряду записей, которые писцы оставили в немногочисленных книгах второй половины XV в., сохранились имена епископов некоторых епархий. Это было время, когда сербы учились жить в новых обстоятельствах, под властью иноверов. Потому и не странно, что им было не до писания книг. Если внимательно проанализировать «Инventарь кириллических рукописей в Югославии», составленный Д. Богдановичем¹, то сразу станет ясно, что рукописи этого времени малочисленны. И в зарубежных (по отношению к Югославии) собраниях число сербских рукописей этого времени невелико. В основном это богослужебные книги — евангелия, апостолы, псалтири. В отличие от предыдущей эпохи, когда книги писались по заказу знатных лиц и высшего духовенства, теперь заказчиками являются крестьяне, сельские священники; есть даже случаи, когда целым селом заказывались рукописи для местной церкви. Путешествующие писцы чаще всего работали в частных домах. Но под конец XV в. почувствовалось определенное оживление, и рукописи стали появляться в большем количестве. Уже в самом начале следующего столетия снова становятся активными некоторые из старых центров книгописания. Важная перемена произошла в середине XVI в.

Возобновление Сербской Патриархии в 1557 г. в большой степени изменило положение сербского народа. Турецкие войска ушли воевать дальше — на север и северо-запад, а в покоренных балканских землях прочно укрепилась турецкая административная система. Патриархия была возоб-

---

¹ *Богдановић Д.* Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (XI–XVII век). Београд, 1982.

новлена по политическим причинам (в этом сходятся все исследователи истории Сербской Церкви), а первый патриарх, Макарий (Соколович), был поставлен турецкими властями и приходился близким родственником Мехмед-паши Соколовича, в то время первого визиря. Духовная жизнь стала возрождаться, и заметно оживило книгописание. Главными центрами снова становятся монастыри, хотя по-прежнему работают и путешествующие писцы. Помимо старых (средневековых) монастырей, в которых с самого начала их существования работали скриптории, а книги писали грамотные и хорошо подготовленные писцы, и в которых теперь возобновилось копирование книг, появился целый ряд центров, раньше не существовавших. Эти новые монастыри находились в стороне от главных дорог, по которым двигались турецкие войска, отправляясь в свои походы. Около середины XVI в. во многих уголках обширной территории Сербской Патриархии появились десятки небольших монастырей, а первые упоминания о них зафиксированы в турецких налоговых книгах (дефтерах / тефтерах). Отсутствие каких бы то ни было данных об основателях этих обителей объясняется желанием скрыть настоящее время их появления. Дело в том, что турецкие законы допускали только восстановление монастырей, существовавших до турецких завоеваний. Поэтому сознательно скрывались данные, касающиеся времени строительства новых обителей, а также и имена их создателей. Интересно, что источники этого времени приписали основание целого ряда монастырей в Боснии королю Драгутину (1282–1316), который действительно правил в этих краях, но монастырей он тут не создавал, по крайней мере, средневековые источники об этом умалчивают.

Интересно, что самые активные скриптории работали именно в этих новых обителях. Старым монастырям, большинство которых находилось в Косово и периодически подвергалось притеснениям со стороны турок, не удавалось надежно спрятать свое имущество, и книги в том числе. Несмотря на это, в некоторых из них (в Дечанах, Печской Патриархии, Грачанице) сохранились достойные собрания рукописей, включая и те, о которых далее пойдет речь. Но необходимо иметь в виду, что рукописи, написанные в одном центре, не всегда оставались на месте, а часто расходились по другим монастырям и церквям. Благодаря записям писцов и владельцев книг получается очень интересная картина, свидетельствующая о путях передвижения рукописных книг по обширным землям Сербской Патриархии. Материал, которым мы располагаем, обширен — так что придется ограничиться только несколькими примерами.

На сегодняшний день в большинстве обителей, в которых во времена турецкого владычества копировались книги и существовали библиотеки, больше никаких собраний рукописей не существует. Одним из ярких примеров является монастырь Раваница, основанный в 1381 г. князем Лазарем.

В нем около середины XVI в. жили 32 монаха, и, судя по данным турецкой налоговой книги, обитель имела (по тем временам) весьма солидные доходы. Западные путешественники (Антонио Пигафета, Давид Унгнад) с восторгом пишут в своих путевых дневниках о фресках, но и слова не говорят о монастырской библиотеке. Просто нельзя поверить, что в таком монастыре не было книг, хотя бы основных — богослужебных.

Некоторые из обителей того времени также бесследно исчезли. Одним из примеров этого является монастырь святого Георгия, о котором ничего не известно, кроме того, что в 1599 г. некий монах Леонтий переписал в этой обители Апостол апракос («Праксапостол») (Берлин, Wuk. 12) и Молитвенник, который впоследствии принадлежал старому собранию Народной (Национальной) библиотеки в Белграде. Однако все это не мешает нам попытаться реконструировать отдельные собрания.

Одним из старых книжных центров, несомненно, был монастырь в городке Арилье; в древнюю обитель (посвященную святому Ахиллию Ларисскому) святитель Савва Сербский поместил одну из епископий своей новой самостоятельной Церкви. К сожалению, мы ничего не знаем о средневековых рукописях святого Ахиллия, но зато после 1557 г. (в третьей четверти XVI в.) тут работал писец монах Никифор. Нам известны три рукописи, которые он создал по заказу игумена кир Виссариона: Минея служебная на февраль 1565 г. (Вена, Cod. slav. 12), Минея служебная на март 1565–1570 гг. (Пећ 34), Минея служебная на июнь 1568 (Пећ 40). Никифор в те годы являлся хорошим и уже зрелым писцом, так что можно задать вопрос: а где и у кого он учился грамоте?

Из многочисленных новых монастырских скрипториев второй половины XVI в. выделим всего несколько, чтобы показать, какова была дальнейшая судьба созданных в них рукописей.

Так, монастырь Гомионица в районе города Баня-Лука (в Боснии), основанный около 1528 г., на сегодня имеет всего лишь 11 рукописных книг (да и то преимущественно поздних). В настоящее время в обители есть только один кодекс, относящийся к интересующему нас периоду, — это Минея праздничная на декабрь 1598 г. Часть рукописного фонда Гомионицы попала в монастырь Ходош в румынском Банате.

Монастырь Ораховица в Славонии (около города Пакраца) в 1885 г. обладал собранием рукописей, насчитывавшим 20 единиц. Имеются данные о том, что перед самым началом Второй мировой войны в обители хранились 22 рукописи. Шесть из них принадлежат к интересующему нас времени². В последней четверти XVI в., при игумене Максиме, книги

---

² См.: *Мошин В.* Тирилски рукописи у Повијесном музеју Хрватске. Копитарјева збирка и Цојсов ћирилички одломак у Љубљани. Београд, 1971.

в этой обители писал иеромонах Матфей: 1583 г. — Апостол, 1584 г. — Триодь постная, 1585 г. — Триодь цветная (Пентикостарь), 1590 г. — Устав церковный Иерусалимский, 1593 г. — Евангелие учительное и Сборник проповедей, 1594 г. — Паренесис Ефрема Сирина. Следует думать, что до нас дошли не все рукописи, созданные этим писцом.

Монастырь Папрача в северо-восточной Боснии был основан, скорее всего, между 1530 и 1540 гг. С середины XVI в. обитель установила прочные отношения с Москвой, куда ее игумены часто приезжали за материальной подмогой и милостыней (в том числе и за книгами), многочисленные свидетельства чему сохранились в книгах Посольского приказа. В 1551 г. монастырь получил в подарок из столицы Руси Четвероевангелие, а в 1561 г. Никола Сербин заказал в Москве для этой обители Псалтирь. Часть рукописей, принадлежавших монастырю, сегодня хранится в Араде (в Румынии), другие же без вести пропали.

Монастырь Радовашница (Радованштица), расположенный у подножия горы Цер, был основан, по-видимому, еще в XV в. В нем в интересующее нас время существовал скрипторий, в котором работали писцы Ратко (возможно, лицо мирское), Лука, Никифор и Роман. Созданные ими рукописи сейчас хранятся в собраниях Сербии и за ее пределами.

Особо интересной кажется группа монастырей, расположенных в долине реки Моравы (в Овчарско-Кабларском ущелье) и основанных, несомненно, около середины XVI в. Одним из самых примечательных является тот, что посвящен Иоанну Крестителю (известен как Йованье, серб. Јовање). Во второй половине (третьей четверти) XVI в. здесь трудился пресвитер иеромонах Никифор (работал в 1559–1575 гг.): сохранились данные о многочисленных рукописях, которые он создал для потребностей своего монастыря: Триодь постная (Пећ 51), пять миней служебных, Златоуст (NUK, Cod. Kor. 5). К сожалению, сохранилось только небольшое число рукописей овчарско-кабларских монастырей; в XX в. они находились на хранении в Национальной библиотеке Сербии и были уничтожены вместе со всем ее собранием во время бомбардировки в 1941 г. Тем не менее, книжные собрания этих обителей можно обрисовать на основании вкладных записей, опубликованных Любомиром Стояновичем³.

Один из редких монастырей этого времени, об основании которого сохранились достоверные сведения, — это монастырь Пива (храм Успения Богородицы). Его основал в 1573 г. Савватий — в то время митрополит Герцеговины, а впоследствии патриарх Сербский. В 1568 и 1569 гг. Савватий своему монастырю дарил книги, что видно по вкладным записям.

---

³ *Стоянович Л.* Стари српски записи и натписи. Књ. I–VI. Београд; Сремски Карловци, 1902–1926.

Если внимательно проанализировать весь книжный фонд второй половины XVI в., окажется, что подавляющее большинство рукописей принадлежит к разряду богослужебных книг. Около 30 апостолов, около 150 миней, около 120 четвероевангелий, около 50 псалтирей с воследованием, около 20 служебников, десятки прологов, богородичников, акафистников, торжественников определенно говорят о характере книжных собраний этого времени. Особый интерес привлекают сборники неустойчивого состава и сборники литургические, но они, к сожалению, мало изучены.

Е. В. Уханова (Москва, Россия)

ДРЕВНЕЙШИЙ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ СПИСОК АПОСТОЛА КОНЦА XI — НАЧАЛА XII ВЕКА ИЗ СОФИЙСКОГО СОБРАНИЯ РНБ*

Судьба рукописной традиции Апостола в славянских землях сложилась по каким-то причинам трагичнее, чем многих других литургических книг. От первых трех с половиной столетий, прошедших со времени переводов этого текста Константином и Мефодием, сохранились лишь 4 списка, относящиеся к разным языковым изводам и типам Апостола. Древнейшей старославянской рукописью является небольшой фрагмент краткого апракоса первой половины XI в., представленный Энинским Апостолом. От следующего столетия дошло всего три списка: древнерусский Христинопольский Апостол (толковый) первой половины XII в. и два среднеболгарских списка конца XII в. — Слепченский Апостол (полный апракос) и НБКМ, № 880 (краткий апракос). Настоящее исследование посвящено древнерусскому фрагменту Апостола из Софийского собрания РНБ (Соф. 32), датированному до сих пор рубежом XII–XIII вв. Он содержит 24 листа, объединенные в три тетради, с чтениями из Деяний апостолов: со вторника 2-й седмицы по Пасхе (гл. 4:10) до среды 6-й седмицы по Пасхе (гл. 18:27).

На этот довольно большой отрывок рукописи Апостола мало кто обращал внимание. Лишь в 1890 г. в небольшой заметке Н. Волков отнес его к XIII в. Он отметил чрезвычайно большое число позиций, в которых пер-

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 14-04-00571 «Древнерусские скриптории XI — первой трети XII в.». Полный текст см.: *Syrillomethodianum. Византия и славянский мир. Материалы междунар. науч. конф. Фессалоники, 2014* (в печати).

вый писец вместо *ѣ* пишет *ѣ* (например, *нѣѣ*, *сѣѣи*), и наоборот, единичный случай употребления предлога *въ* вместо *ѹ*, пропуск редуцированных или замену их на гласные полного образования, а также множество ошибок. У второго писца Волков отметил «неожиданное» употребление *ю* после шипящих и исконно смягченных согласных, диакритический знак в месте пропуска редуцированных, отсутствие их прояснения и др. Однако профессионально проанализировать собранный им материал автор не смог. Заметка Н. Волкова сопровождалась кратким примечанием А. А. Соболевского, который в одном предложении заметил, что рукопись принадлежит к галицко-волынским памятникам, и сослался на свою специальную работу об особенностях рукописей из этого региона. После статьи Н. Волкова Софийский Апостол фигурировал лишь в списках или кратких каталожных описаниях, вероятно, потому, что он содержит начальный фрагмент текста Деяний апостолов, в то время как во многих значимых списках памятника первые тетради не сохранились. Поэтому для сравнительного текстологического, палеографического и лингвистического изучения Софийский Апостол не привлекался.

Рукопись происходит из библиотеки Новгородского Софийского собора, о чем свидетельствует запись библиотекаря в 1855 г., имеющаяся на значительной части манускриптов Софийского собрания. Несомненно, что все они оказались там задолго до библиотечной проверки 1855 г. До недавнего времени рукопись имела старый переплет XV в., сделанный из досок в коже с тиснением. Согласно исследованиям Е. М. Шварц, орнаменты этого тиснения тождественны схемам украшения переплетов новгородских служебных миней, выполненных в переплетной мастерской новгородского архиепископского скриптория третьей четверти XV в. В это время написанные специально для новгородского кафедрала или приобретенные для него на стороне книги уже изготавливались на бумаге. Поэтому желание переплести в архиепископской мастерской пергаменную рукопись свидетельствует о том, что к этому времени она уже была в Софийской библиотеке, причем долгое время, поскольку ее переплет к середине XV в. обветшал. Старая пергаменная рукопись не сочеталась с новыми бумажными книгами, содержащими обновленную южнославянскую редакцию текстов, которые к тому времени повсеместно вошли в литургическую практику Русской Церкви. Обычная судьба вышедших из употребления или ветхих пергаменных кодексов — уничтожение. Поэтому единственным объяснением такой реставрационной заботы в XV в. о развалившемся пергаменном кодексе с устаревшей редакцией текста может быть то обстоятельство, что он рассматривался как освященная традицией реликвия, издревле принадлежащая собору. Принадлежность этого кодекса к древнему ядру коллекции Святой Софии делает предположение о его связи с новгородским

кафедральным собором уже в момент создания не таким уж невероятным. Эту гипотезу косвенно подтверждают и почерки, отличающиеся выдающимися характеристиками.

В создании рукописи принимали участие два писца: первому принадлежат первые две тетради, второму — третья. Несмотря на устоявшуюся датировку этого памятника XIII веком или рубежом XII–XIII вв., позволим себе в ней усомниться. Графические особенности почерков обоих писцов не находят сколько-нибудь близких соответствий в древнерусских рукописях указанного периода, в то время как нам известны стилистически идентичные почерки, датирующиеся столетием ранее. Почерк второго писца этой рукописи чрезвычайно близок к почерку второго писца Изборника 1073 г., а почерк первого писца принадлежит той же школе, что почерки Пандектов Антиоха (ГИМ, Воскр. перг. 30) и 13 Слов Григория Богослова (РНБ, Q.п.1.16), датирующихся XI в. О несомненной принадлежности наших почерков к периоду XI — первой четверти XII в. свидетельствует ряд палеографических особенностей, которые в сочетании друг с другом не встречаются позднее: **ѣ** с низкой перекладной у обоих писцов; употребление первым писцом **ѡ** и, реже, **ѡ̆**; ж в три дукта с пересечением наклонных в центре мачты; **ѡ** с высокой серединой и **ѣ** с большой ножкой в лигатуре **ѡѣ**; наличие лигатуры **ѣ̆**; **ѣ** с длинным горизонтальным основанием (у первого писца); **ѣ** с глубокой симметричной чашечкой, обозначение предшествующего исконно мягкого согласного при помощи йотации у гласных — **ѣ̆**, **ѣ̆̆**; выносные гласные. Датировку этого памятника до середины XII в. подтверждает также последовательное правильное написание редуцированных гласных и отсутствие их смешения с гласными полного образования у второго писца, что свидетельствует об отсутствии следов процесса падения редуцированных в его языке. Графика письма второго писца Софийского Апостола настолько близка к графике второго писца Изборника 1073 г., что на первый взгляд они идентичны. Все это позволяет нам рассматривать кодекс как памятник последней четверти XI — начала XII в.

Именно с учетом этого вывода следует рассматривать графико-орфографические особенности первого писца, который имеет ряд противоречивых особенностей — сочетание архаичных элементов и новаций. Навыки и начертания первого писца заметно отличают его от коллеги. Идеальная модель письма, реализовать которую он пытается, характеризуется монументальностью, рисованностью, размеренностью; пропорции рядовой буквы равняются квадрату, буквы строятся с использованием противопоставления толстых и волосяных линий. Однако очевидно, что, несмотря на неплохое знакомство с теорией, ему не хватает практики: начертания одной и той же буквы имеют несколько вариантов, волосяные линии часто толсты, не все мачты вертикальны и равновелики, а петли симметричны; затеки и кляксы

образуются и в петлях, и на вертикалях. Поэтому почерк первого писца производит впечатление громоздкого и не очень гармоничного письма, ритм которого постоянно нарушается. Нарочитая декоративность — еще одна особенность его почерка. Писец демонстрирует чрезвычайно большой арсенал приемов в украшении строчных букв, в таком сочетании и объеме не встреченный нами ни в одной другой ранней рукописи. Он часто использует прием утяжеления нижних элементов буквы за счет утолщения мачт (к, л, **а**, **ж**, ж), петель (а, м, с) и волосяных линий. Этот прием делает буквы асимметричными и несколько вычурными. Кроме этого, писец украшает различные отрезки букв пересекающими их штрихами и точками, иногда по несколько подряд. На л. 10–10 об. существуют строки, выполненные особым сплошным декоративным письмом, в котором такие украшения имеют практически все графемы.

Из архаичных элементов в почерке первого писца нужно выделить: начертание а с очень маленькой петлей, висящей в верхней части почти вертикальной мачты; низкие петли у в, **ъ**, **ь**, **ы**, **ѣ**; **ѣ** пишется полностью в строке с низкой перекладиной, лежащей по середине буквы; **з** имеет длинное горизонтальное основание строчной части буквы; глубокая чашечка **ч** составляет около половины высоты буквы; перекладины и и н расположены в центральной части графем. Писец использует **ѣ** и **ж**, что свидетельствует о создании памятника не позднее первой четверти XII в. Необходимо отметить, что нижняя часть **ж** всегда пишется с т-образной перекладиной, как у **а**. Это редкое и раннее начертание встречается в Саввиной книге, Изборнике 1073 г., в древнерусской апрельской Минее конца XI — первой половины XII в. (РГАДА, Син. тип. 110), а также в среднеболгарских памятниках конца XII — XIV в. (НБКМ, № 880, ГИМ: Хлуд. 142, Хлуд. 35).

К вызывающим проблемы приметам относится вариативное исполнение **w**. Вероятно, именно ее отдельные формы дали основания для датировки рукописи XIII веком. Более чем в трети случаев эта буква пишется с высокой серединой, иногда усиленной сверху горизонтальной чертой, в то время как внешние линии петель сильно сведены. Именно украшающая середину перекладина при манерно сведенных внешних дугах послужила причиной появления нового начертания **w** с пониженным центром, поскольку смыкающиеся дуги и равная им по высоте широкая середина между ними — вещи несовместимые (они сольются). Причем это индивидуальное начертание писца очень неустойчиво: степень занижения середины колеблется от крайне низкой до слегка опущенной, не говоря уже о доминирующей у значительной части букв высокой середине. Кроме того, сочетание букв **w** и **т** еще не стало лигатурой **ѡ**: выносная **т** пишется в большинстве случаев как строчная, с большой ножкой. Таким

образом, на наш взгляд, в данной рукописи нельзя рассматривать **ω** с низкой серединой как показатель ее позднего происхождения. Действительно, в обычном книжном письме такое начертание было бы маркером второй половины XII или даже XIII в. Однако в нашей рукописи мы имеем дело с декоративным письмом, логика построения букв которого и греческие образцы для которого позволяли использовать нестандартные начертания. Заметим, что впервые **ω** с низкой серединой в диграфе **ω̄** встречается в надписи 1068 г. на Тмутараканском камне. И хотя сравнение начертаний в рукописных и эпиграфических памятниках в целом некорректно, однако приведенный пример делает очевидным знакомство древнерусских писцов с таким рисунком **ω**, идущим из греческих памятников.

Еще одна «датирующая» буква — **ж** — пишется преимущественно в древнейшем варианте, в три дукта, особенно на первых листах. Однако также встречается вариант в четыре и даже изредка в пять дуктов, когда одна или изредка обе диагонали выполнены в два приема. Такие новые начертания появляются уже в Архангельском Евангелии 1092 г. В Мстиславовом Евангелии 1103–1113 гг. они преобладают. Надо также отметить, что диграф **оу** писец почему-то не любил и предпочитал заменять его повсеместно лигатурой **Ѹ**, выполненной пересечением двух дуг.

Отметим еще две особенности, которые навели Н. Волкова и с его слов А. А. Соболевского на ошибочное мнение о датировке нашего памятника XIII веком и локализации его галицко-волынкой Русью. Согласно мнению А. А. Соболевского, одним из следов падения редуцированных и возникновения «нового **ѣ**» в новых закрытых слогах в галицко-волинских рукописях было, в частности, появление **ѣ** в существительных на **-ѣние**. Встреченные у первого писца написания **ꙗлиѣниѣиѣ**, **каѣѣниѣиѣ**, равно как и в целом массовое употребление им **ѣ** вместо **ѣ**, позволили А. А. Соболевскому, не работавшему с этим памятником лично, лаконично отметить в комментарии к статье Н. Волкова несомненное галицко-волынское происхождение Софийского Апостола в период после падения редуцированных. Однако уже Дурново характеризовал мену **ѣ** и **ѣ** в этой позиции как нефонетическую замену одного суффикса другим и отмечал подобные написания уже в памятниках XI в. — Псалтири Феодорита Киррского, минеях 1095 и 1096 гг. Широкое смещение на письме древнерусскими книжниками **ѣ** и **ѣ** вытекало из расхождения книжного и разговорного произношения. Недостаточно грамотный писец, не усвоивший специальные правила, соотносящие разговорное произношение с книжным, не различал их на письме. Более того, в книжном произношении противопоставление **ѣ** и **ѣ** реализовалось как мягкость или твердость предшествующего согласного. Вероятно, первый писец Софийского Апостола применил эту установку максимально

широко, передавая мягкость предшествующего согласного при помощи **ѣ** в самых неожиданных позициях (отрицательной частицы **нѣ**).

Той же недостаточной подготовленностью можно объяснить смешение им **ѣ**, **ь** с **о**, **ѣ** — например, **ѣловѣкѣ** (л. 1в), **сѣмѣ** (л. 1в). В книжном произношении **ѣ** и **о**, а также **ь** и **ѣ** читались одинаково, поэтому недостаточно хорошо подготовленные писцы, не усвоившие правила их распределения на письме, смешивали их как в сильной, так и в слабой позициях. В книжных памятниках такое смешение носит окказиональный характер, преимущественно оно представлено в некнижных текстах — берестяных грамотах, записях на книгах. Специфика употребления первым писцом **ѣ** и смешение им редуцированных с **о** и **ѣ** приводили исследователей к выводу о позднем происхождении этого памятника и о связи его с галицко-волынскими скрипториями. Полагаем, что в данном случае такая оценка неправомерна.

Многие особенности в написании первых двух тетрадей Софийского Апостола свидетельствуют о том, что их создатель недостаточно хорошо владел книжным письмом и, вероятно, не был писцом, сделавшим переписывание книг своей профессией. Зато нет аналогов его арсеналу декоративных элементов при написании строчных букв. Хотя стилистически ему близок роскошный декоративный почерк в Пандектах Антиоха XI в. (ГИМ, Воскр. перг. 30). Особенности письма первого писца Софийского Апостола определяются, возможно, тем, что он был не профессиональным писцом в полном смысле этого слова, а, скорее, декоратором книг, который обладал определенным уровнем грамотности. С практикой привлечения для написания или оформления первых листов в заказных кодексах писцов, владеющих исключительно красивым почерком, мы встречаемся в Изборнике 1076 г., Юрьевском Евангелии 1119–1128 гг., Евангелии учителям Константина Преславского (ГИМ, Син. 262), и Богословии Иоанна Дамаскина (ГИМ, Син. 108) начала XII в.; возможно, и в Остромировом Евангелии 1056–1057 гг.

Первому писцу принадлежат разнообразные и сложные по рисунку инициалы. У второго же писца инициалы получались аккуратные и грамотно выполненные, но при этом однообразные и очень несложные. Инициалы обоих писцов выполнены киноварью в старовизантийском стиле. Аналогии простым формам больших инициалов второго писца можно найти во многих рукописях этого периода. Разнообразным инициалам в виде буквы «В» в исполнении первого писца, включающим в нижнюю петлю буквы сложные побеги, находятся соответствия лишь в Архангельском Евангелии 1092 г. и Юрьевском Евангелии 1119–1128 гг.

Подытоживая изложенные выше аргументы, полагаем, что, перенеся датировку Софийского Апостола на столетие раньше традиционной, в конец XI — начало XII в., мы предложили наиболее обоснованное время

создания этого памятника. В этом мы опирались на близость стиля письма и конкретных начертаний двух его писцов, а также выполненной ими орнаментики аналогичным характеристикам в уже известных рукописях — в Изборнике 1073 г., Пандектах Антиоха XI в. и ряде списков конца XI — начала XII в. Наличие в нем **ѣ** с низкой перекладиной у обоих писцов не позволяет нам отнести создание памятника ко времени позднее начала XII в., когда повсеместно начинает распространяться практика написания **ѣ** с перекладиной, поднявшейся на верхний уровень строки. Изучение нами списка Учительного Евангелия начала XII в. показало, что из тринадцати его писцов только двое (10-й и 13-й) писали **ѣ** с низкой перекладиной, двое (11-й и 5-й) использовали оба варианта написания, а остальные девять писцов придерживались уже новой нормы. Использование первым писцом «юса большого» и «юса большого йотированного» также не позволяет датировать этот памятник временем позднее начала XII в. С другой стороны, у второго писца Софийского Апостола появляются увеличенные петли **к**, **ѣ**, **ь**, **ы**, **ѣ** нового рисунка, а также первым писцом используются периферийные пока начертания **ж** в четыре и даже пять дуктов. И если первая черта могла быть просто индивидуальной особенностью почерка, то новую графику **ж** мы видим в качестве доминирующей уже в первом десятилетии XII в. в Мстиславовом Евангелии и последующих списках. Поэтому именно указанные нами маркеры — начертания **ѣ** и **ж** — обусловили хронологические рамки предложенной нами датировки.

Что касается происхождения Софийского апостола, то, несомненно, он не является памятником галицко-волынского происхождения. Стиль письма и отдельные начертания двух его писцов обнаруживают чрезвычайную близость или общность в целом со стилем и начерками двух известных киевских рукописей — Изборника 1073 г. и Пандектов Антиоха. Это позволяет нам отнести и Софийский Апостол к продукции одного из центральных столичных скрипториев, что не противоречит его связи с новгородским Софийским собором. Мы уже писали о том, что новгородская книгописная школа начинает формироваться в конце XI — начале XII в. В это время рядовые рукописи создаются в местных мастерских, а элитные кодексы продолжают привозить из столицы, как, например, Мстиславово или Юрьевское евангелия. Вклад этого кодекса в Софийский собор или связанную с ним церковь вполне логичен. И хотя совершенно не обязательно связывать создание памятника с какими-то событиями в истории Святой Софии, можно вспомнить, что под 1108 г. в Новгородской I летописи фигурирует известие о начале росписи фресками собора, до того простоявшего неукрашенным с момента создания. Эта дата начала работ по его росписи могла бы как нельзя лучше подойти к датировке создания нового парадного кодекса — Софийского Апостола.

Наиболее сложный и интересный вопрос связан с определением редакции этого памятника и его места в текстологической истории славянского Апостола. Он является вторым по древности славянским списком и отражает, вероятно, древнерусскую литургическую практику (возможно, Святой Софии Новгородской) конца XI — начала XII в. Мы обнаружили значительную дистанцию нашего текста от древнейшего ядра славянских списков, в частности от Слепченского и Охридского апостолов конца XII — первой четверти XIII в., при выборочном сравнении его с узлами разночтений для текста Апостола, изданных недавно И. Христовой-Шомовой. На материале текста Деяний наш памятник также дистанцируется от тех списков, которые совпадают в дальнейшем с чтениями Энинского Апостола XI в. (в котором начальные листы с текстом Деяний утрачены). Наиболее близкую связь Софийский Апостол обнаруживает с болгарским списком НБКМ, № 880 конца XII в. и особенно с сербским списком первой четверти XIV в. НБКМ, № 89. Кроме того, несомненно, тесная связь существует между ним и древнерусскими списками XIV в. Увар. 379-4° и Хлуд. 33. При этом только текст Увар. 379-4°, имея с Софийским Апостолом лишь три общих чтения для 3-й, 4-й и 5-й недель Великого Поста, совпадает с ним практически полностью. В новгородском же Хлуд. 33 существуют не просто текстуальные совпадения: этот список воспроизводит свойственную только Соф. 32 ошибку или особенность перевода протографа: съвѣсти вместо възвѣсти (2-я суббота по Пасхе, Деяния 5:25). Однако, совпадая почти дословно, например, в чтениях 2-й субботы или 3-й недели по Пасхе, в перикопах других дней, в том числе субботних и недельных, Хлуд. 33 и Соф. 32 обнаруживают различия. То же можно сказать и о двух других списках из НБКМ, наиболее часто совпадающих с чтениями Софийского Апостола, особенно НБКМ, № 89: степень близости текстов различается в зависимости от конкретного дня. Таким образом, отразившаяся в Софийском Апостоле редакция текста характеризуется своеобразием и индивидуальными чтениями, часто находящими аналогии только в некоторых древнерусских списках. Это требует дальнейшего изучения текстологии памятника.

ПОВЕСТЬ О ВАРЛААМЕ И ИОАСАФЕ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИСТОЧНИК ЖИТИЯ ДИОНИСИЯ ГЛУШИЦКОГО

Основным источником сведений о преподобном Дионисии, основателе и первом игумене Глушицкого монастыря, является его Житие, составленное в 1495 г. Иринархом, диаконом Глушицкого Покровского монастыря. При создании Жития Иринарх обратился к монастырским сказаниям и записям, а также к переводным и оригинальным литературным произведениям. Ранее в качестве агиографического образца Жития преподобного Дионисия исследователями (В. О. Ключевский, С. А. Семячко) было отмечено Житие преподобного Сергия Радонежского. Благодаря недавней находке удалось установить, что отдельные фрагменты Жития Дионисия Глушицкого восходят к восточной Повести о благочестивом царевиче Иоасафе и его духовном наставнике Варлааме. Основная часть текстовых заимствований из Повести приходится на предсмертное завещание Варлаама Иоасафу, но отдельные отрывки взяты из описания жизни индийских подвижников, а также из предсмертной молитвы Варлаама. Данные выдержки из Повести были использованы при написании части Жития, повествующей о последних днях Дионисия Глушицкого и его предсмертной беседе с учеником и преемником — преподобным Амфилохием Глушицким. Сопоставительный анализ показал, что заимствованные фрагменты текста отражают сербский перевод Повести о Варлааме и Иоасафе.

Е. Э. Шевченко (Санкт-Петербург, Россия)

ПРЕПОДОБНЫЙ МАРТИНИАН БЕЛОЗЕРСКИЙ И ОБЩЕРУССКАЯ КАНОНИЗАЦИЯ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Преподобный Мартиниан Белозерский — пострижник и ученик преподобного Кирилла Белозерского, основатель Вожеозерского Спасского монастыря, игумен Белозерской Ферапонтовой и Троице-Сергиевой обителей, книгописец, положивший начало ряду монастырских библиотек. Он был поставлен игуменом Троицким в 1447 г. из игуменов Фера-

понтова монастыря — благодарность Василия Темного за то, что преподобный благословил его на борьбу с Дмитрием Шемякой за великокняжеский престол. В 1454/1455 гг. Мартиниан возвратился в Белозерье.

В ряде рукописей сохранились записи чудес, случившихся у гроба преподобного Сергия Радонежского, которые произошли в 1449 г., т. е. во время троицкого настоятельства Мартиниана. Тексты этих Чудес дошли до нашего времени в краткой и распространенной редакциях. В распространенной редакции, сохранившейся в списках XVII в., рассказы наделены различными подробностями, сюжеты более развернуты и занимательны; в них явно чувствуется влияние повествовательной литературы «переходного» XVII столетия. Скорее всего, они представляют собой более поздние переработки записей чудес, происходивших у гроба преподобного в XV в., но в их основе, безусловно, лежат рассказы очевидцев (вероятно, самого Мартиниана, поскольку в них, особенно в Чуде о Дмитрие Ермолине, находится довольно много сведений о ферापонтовском святом).

Краткие Чудеса находятся в нескольких рукописях XV в., одна из которых является автографом афонского писателя Пахомия Серба. Как известно, в 40-х гг. XV в. знаменитый агиограф был приглашен для того, чтобы сделать Житие преподобного Сергия пригодным для службы в церкви. Пахомий несколько раз перерабатывал, дополняя или изменяя, текст Жития троицкого основоположника; при этом он составил несколько редакций Жития. Однако текстологический анализ упомянутого Пахомиева автографа Чудес 1449 г. показал, что он не является первоначальным текстом этих Чудес. Возможно, они были записаны раньше или самим Мартинианом, или кем-то с его слов, а Пахомий переписал их чуть позже. Нет сомнений, что Пахомий и Мартиниан были знакомы, ведь афонский писатель трудился в Троице над Житием Сергия именно тогда, когда Мартиниан был там игуменом. Помимо этого, существует неопровержимое свидетельство творческого сотрудничества данных монахов: как Пахомий Серб сам указал в Предисловии к Житию преподобного Кирилла Белозерского, составлению этого произведения он во многом был обязан рассказам ферапонтовского старца.

Возможно, что Мартиниан способствовал и записям первых тропарей преподобному Сергию, созданных еще до составления Служб троицкому святому. Эти два тропаря с пометами (к одному — «Епифаниево», а к другому — «Пахомиево») находятся в рукописи известного кирилло-белозерского книгописца Ефросина. Учитывая общение Ефросина с Мартинианом, вернувшимся в Ферапонтов после игуменства в Троице, можно предположить, что Ефросин записал данные тропари благодаря ферапонтовскому святому.

Видимо, со слов Мартиниана были записаны и иные сюжеты, в другом памятнике — летописном. В двух летописях, Ермолинской и Львовской, восходящих к одному и тому же своду — Кирилло-Белозерскому 70-х гг. XV в., независимому по своему характеру от официального летописания, имеется рассказ об отравлении Дмитрия Шемяки. Только в этих летописях прямо утверждалось, что Шемяка был отравлен своим поваром. Исследователи русской истории данного периода сходятся в мысли о том, что такие вещи мог знать лишь человек из близкого окружения Василия Темного. Учитывая то обстоятельство, что в это время Мартиниан был духовником великого князя, а также то, что он был знаком с семейством Ермолиных (об этом повествуется в Чуде преподобного Сергия Радонежского о Дмитрии Ермолине, а Ермолинской летопись названа в науке потому, что в ней отразились сведения о строительной деятельности московского купца, архитектора и скульптора Василия Дмитриевича Ермолина), можно думать, что сюжет о смерти Шемяки в Ермолинскую летопись попал благодаря Мартиниану. Не лишним будет также заметить, что созданная в середине XV в. Ермолинская летопись заканчивается 1481 г., а преподобный Мартиниан умер вскоре после этого времени — в 1483 г.

Кроме того, это единственный список Ермолинской летописи, и сохранился он в сборнике, в котором находится также Хождение за три моря Афанасия Никитина. Известно, что Хождение попало в Москву при посредстве книгописца, великокняжеского дьяка Василия Мамырева. Впервые же имя этого дьяка встречается в грамоте Троице-Сергиева монастыря 1447–1455 гг., времени троицкого игуменства Мартиниана. В этой грамоте Мамырев выступает в качестве простого писца, и только позже он стал приближенным к великому князю, видимо, по протекции Мартиниана. Поэтому можно думать, что Ермолинская летопись даже в большей степени, чем предполагается теперь, связана с Мартинианом.

Таким образом, по совокупности косвенных данных видно, что преподобный Мартиниан был активным участником фиксации исторических событий. Чудеса преподобного Сергия, произошедшие при игуменстве Мартиниана в Троице; связь одного из этих Чудес — о Дмитрии Ермолине — с Ермолинской летописью и включением в нее сюжета о смерти Дмитрия Шемяки, видимо, со слов Мартиниана; запись первых тропарей преподобному Сергию — все это свидетельствует о том, что ферапонтовский старец не только предпринял энергичные усилия для увековечивания памяти своего учителя Кирилла Белозерского, но именно при троицком его настоятельстве была проведена общерусская канонизация преподобного Сергия Радонежского, которая имела большое значение для всего средневекового русского государства в целом, потому что вводила местночтимого подвижника в сонм причисленных к лику святых всего православного мира.

СОКРАЩЕНИЯ

Хранилища и собрания рукописей

Воскр. перг. — собрание Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, пергаменные рукописи (ГИМ)

ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина (ныне — РГБ) (Москва)

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)

Грујић — собрание Р. Груича (МСПЦ)

Егор. — собрание Е. Е. Егорова (РГБ)

Иер. — собрание славянских рукописей Патриаршей библиотеки в Иерусалиме

МДА фонд. — собрание (фундаментальное) Московской Духовной академии (РГБ)

МСПЦ — Музей Сербской Православной Церкви (Белград)

Муз. — Музейское собрание (ГИМ)

НБКМ — Национальная библиотека им. свв. Кирилла и Мефодия (София)

НБС — Национальная библиотека Сербии (Белград)

НГОМЗ — Новгородский государственный объединенный музей-заповедник

ОР — Отдел рукописей

ОСРК — Основное собрание рукописной книги (РНБ)

Пећ — собрание монастыря Печ

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)

РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)

Рогож. — собрание Рогожского кладбища (РГБ)

САНУ — Сербская академия наук и искусств (Белград)

Син. — Синодальное (Патриаршее) собрание славянских рукописей (ГИМ)

Син. греч. — Синодальное (Патриаршее) собрание греческих рукописей (ГИМ)

Син. тип. — собрание Библиотеки Московской Синодальной типографии (РГАДА)

Солов. — собрание Библиотеки Соловецкого монастыря (РНБ)

Солов. Анз. — собрание Библиотеки Соловецкого монастыря, рукописи Анзерского скита (РНБ)

Соф. — собрание Библиотеки Новгородского Софийского собора (РНБ)

ТСЛ — собрание Троице-Сергиевой Лавры (РГБ)

Увар. — собрание А. С. Уварова (ГИМ)

Унд. — собрание В. М. Ундольского (РГБ)

Хлуд. — собрание А. И. Хлудова (ГИМ)

Cod. Кор. — собрание Е. Копитара (NUK)

Cod. slav. 12 — собрание славянских рукописей Венской национальной библиотеки

Theol. gr. — собрание греческих рукописей Венской национальной библиотеки, рукописи богословского содержания

NUK — Национальная и университетская библиотека в Любляне

Wuk. — собрание В. С. Караджича (Берлинская государственная библиотека)

Литература

ВМЧ — Великие Минеи Четьи

ПЭ — Православная энциклопедия

СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских

АВТОРЫ

АЛЕКСЕЕВ Алексей Иванович — заведующий Отделом рукописей Российской национальной библиотеки, доктор исторических наук (Санкт-Петербург, Россия)

АФАНАСЬЕВА Татьяна Игоревна — доцент кафедры русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор филологических наук (Санкт-Петербург, Россия)

ГЛИНСКИХ Сергей Станиславович — соискатель Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, настоятель прихода во имя Новомучеников Российских (пос. Восточный, Свердловская обл.)

ГРБИЧ Душица (Грбић Душица) — руководитель Отдела древних и редких книг Библиотеки Матицы Сербской, магистр филологии (Нови Сад, Сербия)

ИВАНОВА Климента — Кирилло-Мефодиевский научный центр Болгарской Академии наук, доктор наук, профессор (София, Болгария)

ИВАНОВА Мария Геннадьевна — научный сотрудник Сектора русских фондов XVIII–XXI вв. Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург, Россия)

ЛЕВШИНА Жанна Леонидовна — старший научный сотрудник Сектора древнерусских фондов Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, соискатель Института славяноведения РАН (Санкт-Петербург, Россия)

ЛЯХОВИЦКИЙ Евгений Александрович — заведующий Лабораторией кодикологических исследований и научно-технической экспертизы документов Российской национальной библиотеки, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург, Россия)

ОСТАПЧУК Ежи — профессор на кафедре Священного Писания Нового Завета Христианской Богословской Академии, габилитированный доктор богословских наук (Варшава, Польша)

ПАНЧЕНКО Флорентина Викторовна — заместитель директора по науке Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, кандидат искусствоведения (Санкт-Петербург, Россия)

ПОДКОВЫРОВА Вера Григорьевна — старший научный сотрудник Научно-исследовательского Отдела рукописей Библиотеки Российской Академии наук, кандидат филологических наук (Санкт-Петербург, Россия)

ПУЗОВИЧ ЛИЛЯНА (Пузовић Љильана) — библиотекарь в хранилище, фототеке и читальном зале Археографического отделения Национальной библиотеки Сербии, магистр истории (Белград, Сербия)

РАМАЗАНОВА Наталья Васильевна — ведущий научный сотрудник Сектора русских фондов XVIII–XXI вв. Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, доктор искусствоведения (Санкт-Петербург, Россия)

СМИРНОВА Энгелина Сергеевна — профессор кафедры истории отечественного искусства Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, главный научный сотрудник в отделе истории древнерусского искусства Государственного Института искусствознания РАН, доктор искусствоведения (Москва, Россия)

СУБОТИН-ГОЛУБОВИЧ Татьяна — руководитель Археографического отделения Национальной библиотеки Сербии, профессор кафедры истории философского факультета Белградского университета, доктор исторических наук (Белград, Сербия)

УХАНОВА Елена Владимировна — ведущий научный сотрудник Отдела рукописей Исторического музея, кандидат исторических наук (Москва, Россия)

ЧИСТЯКОВА Марина Владимировна — старший научный сотрудник Института литовского языка, кандидат филологических наук (Вильнюс, Литва)

ШЕВЧЕНКО Елена Эриковна — главный библиотекарь Сектора древнерусских фондов Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, кандидат филологических наук (Санкт-Петербург, Россия)

ШИБАЕВ Михаил Алексеевич — заведующий Сектором информационно-библиографического обслуживания Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург, Россия)